

ФИЗЗЛЬ, ИЛИ ЧЕЛОВЕК, ПРЕОДОЛЕВШИЙ СЕБЯ

Документальная повесть

*“Закон, связывающий все живое, не распространяется на человека,
преодолевшего себя”.*

Гёте

Нет, это не о последователе Ницше, как можно было бы предположить, исходя из эпиграфа. Это – литературная биография выдающегося немецкого физика Фридриха Георга Хоутерманса (1903–1966), которого в равной степени можно считать и немецким, и еврейским, и швейцарским ученым.

Известный физик и историк науки В.Я.Френкель (1930–1997) в своей монографии “Профессор Фридрих Хоутерманс: работы, жизнь, судьба” отмечал: “Широкому кругу людей Фридрих Хоутерманс, прежде всего, должен быть интересен обстоятельствами своей жизни. Они определились и временем, в котором он жил, и географией его странствий, и его профессией, важнейшей в нашем веке, и чертами его характера. В духе романов XVIII–XIX веков его биографию можно было бы назвать “Жизнь и необыкновенные приключения Фридриха Хоутерманса”. Такова была судьба этого необыкновенного человека.

Мать, друзья и жены называли его “Физзлем”, но еще называли его Фрицем. Возможно, “Физзль” искаженное австрийским произношением немецкое “Wiesel”, что означает “ласка, куница, бурундук”, вообще, вёрткий, веселый зверек. Такое объяснение имеет основание, ибо детские и школьные годы Хоутерманс провел с матерью в Вене после ее развода с мужем, да и характер его вполне соответствовал прозвищу...

В основу повести положены книги В.Я.Френкеля (1930–1997) “Профессор Фридрих Хоутерманс: работы, жизнь, судьба”, СПб, Изд. ПИЯФ РАН, 1997 и “Последние работы. Воспоминания коллег и друзей”, СПб, ЛФТИ им. А.Ф.Иоффе, 2002.

Авторы отдают дань памяти как Фридриху Хоутермансу, так и Виктору Яковлевичу Френкелю, много сделавшему своими трудами для того, чтобы во всей возможной полноте раскрыть личность Хоутерманса, восстановить его имя, очистив от нелепых подозрений и наговоров.

Юный Фридрих, он же Фриц, он же Физзль, долговязый, вихрастый юноша и его мать, Эльза Хоутерманс, миловидная, но уже немолодая женщина, едут на экипаже по оживленной весенней улице Вены. Старый семейный кучер, пара добротных лошадей – всё вполне респектабельно. Вдруг Фридрих на ходу выпрыгивает из коляски и несется, рискованно лавируя между кабриолетами и старомодными автомобилями. Эльза с тревогой и негодованием кричит вслед сыну:

– Физзль! Фриц! Фридрих! Чёрт бы тебя побрал! В три часа у нас визит к профессору Фрейду! Эй, Физзль! Слышишь? Не забудь!

Юноша, удачно ускользнув от авто, машет ей вскинутыми руками, шлет воздушный поцелуй и мчится дальше. Мать грозит ему, впрочем вполне добродушно улыбаясь...

Венское кафе, мраморные столики вынесены на тротуар, снуют прохожие, где-то рядом играет оркестр, разумеется, Штрауса. Физзль, занявший столик, с нетерпением ждет кого-то. Пересчитывает мелочь – должно хватить! А вот и она – юное, нежное создание, одноклассница Фрица. Они целуются у всех на виду, и это никого не смущает. Физзль заказывает пирожные с клубникой и взбитыми сливками и по чашечке кофе.

– Ты почему не звонил? – спрашивает девушка.

– Был занят чрезвычайно! – изображая важного господина, отвечает Физзль. – А ты скучала? Признавайся!

– Хватит дурака-то валять, – смеется девушка. – Это ты признавайся! Новый роман?! Кто она?

– Это ревность? Какая прелесть! Успокойся, детка. Ты у меня единственная, на всю жизнь!

Оба смеются... Физзль озабоченно смотрит на часы, ему пора. Девушка огорчена, ей хочется знать, куда торопится ее друг. Физзль морщится, то ли от ее любопытства, то ли от невозможности остаться со своей подружкой. Он вываливает на бумажку счета всю мелочь из кошелька, дарит девушке камешек-самоцвет.

– Ой, какой красивый! – восхищается девушка.

– Халцедон! Самый твердый после алмаза! Символ моей верности!

Он чмокает девушку в щеку и несется вдоль столиков, винных кабачков “Heurigen”, сувенирных лавок, лотков с книгами, роскошных витрин дорогих магазинов. Возле маленького кафе останавливается, высматривает кого-то. Девушка, сидящая за столиком, дергает его за курточку.

– Господин Физзль, вы так спешите, что чуть не промчались мимо, – говорит она с явным сарказмом.

– О! – Физзль припадает на одно колено, целует руку девушке, тоже весьма привлекательной. – Милая! Извини, прости, пощади! Но я должен бежать. У меня срочный визит к профессору Зигмунду Фрейду!

- К Фрейду?!
- Понимаешь, мама – биолог, у нее какие-то гениальные идеи...
- А причем здесь ты?
- Профессор Фрейд хочет провести на мне опыты...
- Какие опыты?! Ты – сумасшедший! Он же гипнотизер!
- Вот это и интересно! Вообще, наука для меня – всё! Не сердись, милая, – дает ей камешек, – дарю!
- Ой, какой красивый!
- Сердолик! То есть – ты! Символ прочности моих чувств к тебе! Бегу...

Целует девушку, мчится со всех ног через площадь, запруженную в этот час транспортом. Девушка вертит возле виска пальцем. Полицейский-регулирующий в сияющей на солнце каске с пером, свистит в свой свисток, но Физзля уже и след простыл...

Кабинет профессора Фрейда – шкафы с книгами вдоль стен, огромный стол, заваленный книгами, папками, бумагами. Ряды экзотических, египетских статуэток. На отдельном столике микроскоп, медицинские приборы, стетоскоп, молоточки невропатолога, электрическая лампа с рефлектором, флакончики, эмалированные кюветы с иглами для прижигания... У огромного окна диван с подушками, стул в изголовье, плед.

Профессор Фрейд, пожилой, всемирно известный врач, в белом халате, сидя за столом, внимательно слушает Эльзу Хоутерманс, сидящую напротив него в удобном кресле. Она в явном смущении.

– Профессор, я специально попросила у вас эти несколько минут для частного разговора, не хотела обсуждать кое-какие подробности при сыне...

– Понимаю. Хотел бы знать, что, прежде всего, беспокоит лично вас, – мягко говорит Фрейд. – Поясню: после развода с мужем вы и ваш сын существуете как самостоятельная система из двух человек, взаимосвязанных друг с другом. И как бы вы ни пытались что-то скрыть от сына, он тотчас почувствует это, ибо вы связаны процессами, протекающими в подсознании: мать и сын. Вы меня понимаете?

– О, да! Я ведь тоже биолог... И ваша горячая последовательница!

– Благодарю. Однако, чем беспокоит сын?

– Я уже говорила: ему тринадцать с половиной лет. Как мне кажется, он не по годам развит – физиологически. Вы меня понимаете?

Фрейд снисходительно кивает.

– Это естественно для такого возраста...

– Но, профессор! – горячо перебивает Эльза Хоутерманс. – Он не только перечитал все мои книги по... половым проблемам. Все девчонки в его классе без ума от него. Просто не знаю, что и делать!

– А вы уверены, мадам, что нужно что-либо делать?

– А если я в свои сорок стану бабушкой?!

– Уверяю, это будет прекрасно! – смеется Фрейд. – Не это ли истинное счастье! Думаю, учитывая всемирную тенденцию к росту народонаселения, у вашего сына может быть, м-м, шестеро детей. Чтобы быть точным, необходимо провести с ним несколько сеансов...

Эльза Хоутерманс обмахивается веером, промокает платочком лоб. Она явно обескуражена.

– Как вы это определите, профессор?

– Зовите вашего шустрого зверька. Начнем!

И вот Физзль уже на диване, лежит, погруженный в гипнотическое состояние. Рядом на стуле сидит Фрейд, держит юношу за руку, говорит, отдельно и мягко произнося каждое слово.

– Скажите, Фридрих, вас что-нибудь беспокоит? Какие проблемы?

– Я спокоен, все хорошо, никаких проблем, – бормочет Физзль.

– У вас бывают случаи, когда приходится говорить неправду?

– Я никогда не вру!

– У вас есть любимая девушка?

– Разумеется. И не одна.

– Сколько их, любимых?

– Не помню, кажется, пять или шесть. И вот здесь проблемы...

– Можете поделиться со мной?

– Разумеется. Я их всех люблю, но мне жалко их, потому что не могу решить, какую люблю больше всех. И потом, когда мы остаемся вдвоем, я не знаю, что должен делать, а она, они все, ждут от меня чего-то, и я страдаю.

– Ну, эти проблемы решатся со временем. Не огорчайтесь, мой милый. А теперь, Фридрих, попытайтесь представить ваше будущее. Заставьте себя представить ваше будущее. Напрягайтесь. Еще. Сильнее. Итак, что вы видите?

Лицо Физзля перекашивается гримаса боли, он весь в поту, стонет... Профессор крепче сжимает его руку.

– Что вы видите? Фридрих! Говорите, что вы видите.

– Я... я... решетки... темно... душно... болят ноги... страшно...

– А что вы видите дальше, глубже, в будущем?

– Вижу горы с белыми вершинами, лес, водопад, озеро, красиво...

– Расслабьтесь. Вы спокойны. Вы просыпаетесь. У вас все в порядке. Никакого страха. Все хорошо, как и раньше. Ну, улыбнитесь!

Физзль улыбается, но улыбка вымученная. Дрожь сотрясает его тело. Профессор помогает ему подняться, вытирает салфеткой его лицо, провожает к выходу...

Физзль выходит на яркую венскую улицу, останавливается в растерянности.

У стены, чуть в стороне, седой старик в потертом лапсердаке играет на скрипке. Возле его ног на тротуаре лежит раскрытый футляр с тарелочкой для

пожертвований. Мелодия, исполнение и сам скрипач в черной кипе трогают за живое. Физзль шарит по карманам, но кроме камешков – ничего. Его окликают из коляски мать.

– Фриц! Что ты ищешь? Я жду тебя, пора ехать.

– Мама! Дай, пожалуйста, шиллинг, – просит он.

– Но я же утром давала целых пять!

– Их уже нет. Прошу, всего один шиллинг!

– Пожалуйста, мне не жалко. – достает из сумочки монету, дает сыну.

Физзль кладет шиллинг в тарелочку скрипачу. Старик, не прерывая игры, прикрывает в знак благодарности свои печальные глаза под седыми бровями. Физзль пятится к коляске, словно в трансе, он не в силах уйти от этой странно-пронзительной мелодии, от этого старика, плачущего на своей скрипке. Физзль закрывает лицо руками, начинает раскачиваться в такт музыки, как это делали его далекие-далекие предки. Мать бросается к нему, уводит его, рыдающего, в коляску, и они уезжают...

В классе Академической венской гимназии идут занятия по древнегреческой мифологии. Вдоль стен, симметрично, на подставках гипсовые бюсты поэтов, философов, ораторов – Гомера, Феокрита, Демосфена, Каллимаха, Фемистия... Стены украшают копии древних фресок, росписей, изображающих подвиги Геракла: “Немейский лев”, “Лернейская гидра”, “Стимфалийские птицы”, “Критский бык”, “Пояс царицы Ипполиты”, “Эриманский вепрь”, “Битва с амазонками”, “Битва с Герионом”...

За партами гимназисты – юноши и девушки. Физзль, ему уже восемнадцать лет, сидит за одной партой со своим другом Алексом Вайссбергом. Через открытые окна доносится шум улицы. Педагог, он же Директор гимназии, – высокий тощий господин, одет строго, усы закручены колечками, жидкие волосы, смазанные бриолином, разделены ровным пробором. Занятия только что начались. Директор берет мел и на доске выводит: “01.05.1921”. Говорит скрипучим голосом:

– Ну-с, господа, проверим, как вы справились с домашним заданием. Напомню: Фемистий, “Об умеряющем свои страсти, или О чадолобце”. Фройляйн Ланге, прошу к доске.

Фройляйн Ланге, одна из приятельниц Физзля (теперь она в очках), выходит к доске с книгой в руках. Читает:

– “Фемистий. “Об умеряющем свои страсти, или о чадолобце”. Первое. Муками рождения мучается плоть человека, и по-своему мучается ими и душа. Обе муки измыслила природа, готова род людской к бессмертию, но по-разному свершается ее воля. Если родить должна душа, то в достоинствах роженицы залог слабости и силы ее утробного плода...”

Физзль давится от смеха, подзуживает Алекса – тот громко фыркает. Директор строго стучит указкой по столу. Воцаряется тишина. Фройляйн Ланге

смущенно продолжает:

– “И у доброй души отпрыски добрых семян могучи и не подвержены никакой грозящей извне гибели, в полном расцвете сил родятся они после мук и такими остаются навсегда. У дурной же и слабой они бесплодны, хилы, и память о них не хранится, но тотчас из утробы их приемлет недро Леты...”

Физзль и Алекс покатываются со смеху, смеются и другие гимназисты. Директор еще строже стучит указкой, он возмущен, но сдерживает себя, дает знак фройляйн Ланге, чтобы продолжала. Та продолжает:

– “Плотских детей, напротив, ни добродетель родителей не спасает, ни порочность не губит. Муками их рождения ведают Мойры с Ананкой и их несокрушимые и неизменные нити. Если бы и эти чада получали по заслугам родителей, то не скончался бы безвременно Лампрокл у Сократа, и к Гиппию не перешла бы тирания после Писистрата...”

Снаружи, с улицы вдруг доносятся звуки “Интернационала”. Физзль и Алекс, а за ними и другие гимназисты, бросаются к окнам.

Внизу, по узкой улочке движется толпа демонстрантов с красными флагами, с какими-то плакатами, транспарантами. Впереди – музыканты (возможно, из ближайшего винного погребка): две скрипки, аккордеон и гитара. Звуки “Интернационала” набирают силу, кажется, резонирует само помещение гимназического класса.

Директор, разъяренный, теряющий над собой контроль, кидается к окнам, отшвыривает учеников, плотно закрывает створки окон. Стучит указкой по столу. Указкой же велит фройляйн Ланге вернуться на место. Наконец, порядок наведен. Директор целится указкой в Физзля:

– Господин Хоутерманс! Продолжайте чтение!

Физзль подозрительно возится в своем рюкзачке, выходит с книгой к доске, читает монотонно, подражая фройляйн Ланге:

– “Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские...”

Директор после пережитого стресса сонно кивает.

– “...История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов.

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов...”

Встрепенувшись, Директор стучит указкой по столу, вскакивает, вырывает из рук Физзля книгу, глаза его готовы выскочить из орбит: на обложке заголовок – “Карл Маркс, Фридрих Энгельс. Манифест Коммунистической партии”. Директор швыряет книгу на пол, в приступе ярости топчет ее ногами, показывая

на дверь, шипит:

– Хоутерманс, вон из класса! Вон! Вон! Вон!

Физзль подбирает книгу и степенно, с чувством собственного достоинства уходит. Следом за ним покидают класс Алекс Вайссберг, все девушки, еще несколько гимназистов... Веселой ватагой они направляются в соседнее кафе. Посетителей в этот полуденный час мало. Гимназисты по-хозяйски сдвигают столики, заказывают подскочившему официанту кофе и пирожные. Появляется радостный Рудольф Серкин, известный в Вене пианист, юное дарование. Фридрих, Алекс и Рудольф после взаимных горячих приветствий усаживаются на невысокой сцене – Рудольф за роялем, Алекс с контрабасом рядом, Фридрих за ударными инструментами. Звучит их коронный номер – блюз 20-х годов. Гимназисты танцуют между столиками. Кафе постепенно заполняется посетителями... Хозяин кафе кладет на рояль конверт с гонораром для маэстро. Рудольф, не прекращая игры, отталкивает конверт, жестом показывая хозяину, что расплачивается за своих юных друзей. Хозяин отказывается брать конверт. Рудольф кидает конверт Алексу, тот ловит его, перебрасывает Фридриху, тот, в свою очередь, пуляет конвертом в танцующих. Деньги рассыпаются по полу, гимназисты с хохотом собирают купюры. Музыканты резко меняют ритм – теперь они играют фокстрот, коллективно импровизируют. В кафе уже нет свободных мест, посетители слушают виртуозную игру Рудольфа Серкина, юных джазистов, стоя, с чашечками кофе в руках.

Квартира Эльзы и Фридриха Хоутермансов расположена в особняке на одной из центральных улиц Вены. Эльза – доктор биологии, человек известный и уважаемый в научном мире, в ее доме бывают видные ученые и деятели искусств. Просторная прихожая, отделанная светлыми породами дерева, украшена скромно и со вкусом, ничего лишнего, во всем заметен рационализм. В таком же стиле выдержаны и другие помещения: зал для приемов на первом этаже, кабинет, спальни, туалеты на втором, куда ведет широкая лестница из двух маршей с поворотом на короткую галерею. В зале для приемов гипсовые бюсты Гёте, Бетховена, Гейне. У окна – рояль. Много свежих цветов в вазах. На стенах пейзажи: долины и холмы Средней Германии, горы Южной Саксонии, сюжет, навеянный знаменитым стихотворением Гейне “Лорелея”...

Эльза возле зеркала в прихожей, проверяет, все ли в порядке в ее туалете, примеряет одну брошь, другую, кажется, теперь то, что нужно. Вдруг, со звоном колокольчика в прихожую врывается Физзль. Он возбужден, от нетерпения поделиться с матерью новостью заикается, смешно жестикулирует, пританцовывая, кружится вокруг матери. Эльза терпеливо ждет.

– Мама! Ты не поверишь! Меня вышибли из гимназии!

– Фридрих, говори нормально. Что значит “вышибли”? Ты можешь успокоиться? Сядь сюда и расскажи все по порядку.

Она усаживает Физзля на кушетку возле лестницы, берет его руку в свои,

сжимает их, чтобы сын не вырвался.

– Только, пожалуйста, не сердись, – бормочет Физзль, – тебя вызывает Директор, прямо сейчас. Вот, – он подает матери скомканную бумажку.

Эльза расправляет официальное приглашение, читает, аккуратно складывает, кладет в сумочку и, решительно поднявшись, с непроницательным лицом указывает сыну на дверь:

– Едем. Немедленно! Причешись! А то, действительно, как какой-то Wiesel...

Директор гимназии сидит в своем кабинете под портретом императора Франца Йозефа. Эльза Хоутерманс и Фридрих стоят, не получив приглашения сесть. Директор сухим, скрежещущим голосом объявляет:

– Решением Педагогического Совета Академической гимназии Вены Фридрих Хоутерманс за возмутительную пропаганду революционной брошюры исключается из гимназии без права продолжения обучения в ее стенах...

– Позвольте, господин директор, но работы Маркса и Энгельса не запрещены в нашей стране. Мои друзья, а среди них, как вам известно, есть весьма уважаемые люди, читали это сочинение и не нашли в нем ничего крамольного. Я полагаю, что исключать моего сына за месяц до выпускных экзаменов, согласитесь, жестоко.

– Мадам Хоутерманс, ваше право считать, как вам заблагорассудится, но существует Порядок, в соответствии с которым в Академической гимназии, которой руковожу Я, читать публично допускается только такие работы, которые входят в Программу обучения. Кажется, я вполне ясно выразился... Можете обжаловать решение Педагогического Совета и мое личное в любой инстанции. Позвольте выразить вам мои самые искренние заверения в глубочайшем почтении и пожелать вам и вашему сыну успехов в любом другом учебном заведении...

– Господин Директор, при всем моем почтении к трудам древних греков, поэтов и мыслителей, должен сказать, что *вашей Академической* гимназии не хватает свежего воздуха! “Манифест” это и есть свежий воздух! – не сдерживается Физзль.

От такой дерзости Директор лишается дара речи, а Эльза Хоутерманс, схватив Физзля за руку, уводит его из кабинета. Доучиваться Фридриху приходится в более демократичном интернате в Викарсдорфе. А впереди – Геттинген...

В те годы Геттинген насчитывал тысяч тридцать жителей, из которых треть была студентами. Университетские здания и лаборатории располагались по всему городу. Студенты, несмотря на трудности послевоенного времени (1-я Мировая война), были уверены в будущем и считали, что владеют миром. Большинство ело только раз в день в студенческой столовой; кто готовил на кухне или мыл посуду, получал еду бесплатно... Студенты снимали комнаты по

всему городу, разъезжали на велосипедах и вызывали друг друга, насвистывая какую-либо мелодию (каждая компания имела свою) – в городе еще не было ни телефонов, ни такси...

Уличные столики кафе “Корона и Копье” (“Krone und Speer”) на набережной реки Лейне в лучах заходящего солнца заняты, в основном, студентами. Вдали, сквозь туманную дымку проступают контуры Гайнсберга. Зажигаются газовые фонари, становится уютнее. Земляные валы и стены, защищавшие город в давние времена, теперь кажутся сказочными декорациями.

За столиком сидит Фридрих Хоутерманс, студент Геттингентского университета. Ловко пользуясь логарифмической линейкой, то и дело раскуривая тухнущую сигарету, он лихорадочно делает какие-то расчеты на бумажной скатерти, которой накрыт столик. На столике, мешая ему, стоят чашечки из-под кофе – он их небрежно сдвигает, чтобы освободить пространство для работы, некоторые падают на пол вместе с тарелочками и разбиваются. Он настолько поглощен расчетами, что не обращает на это никакого внимания. Не мешают ему и громкие разговоры других студентов за соседними столиками. Наконец, поставлена точка. Фридрих победоносно отбрасывает карандаш, вскидывает руку. Появляется официант Франц, грузный пожилой человек, с очередной чашечкой кофе и стаканчиком холодной воды. Фридрих залпом выпивает кофе, хотя он и горячий, говорит Францу:

– Друг мой, ты знаешь, кто перед тобой?

– Догадываюсь, – ухмыляясь, отвечает Франц.

– Тогда скажи, кто?

– Убежден, герр Доктор, что передо мной сидит Гений! – вполне искренне отвечает Франц и тотчас переходит на презренную прозу жизни. – Герр Доктор, кофе вам, как обычно, в кредит? Или...

– Да, да, будьте столь любезны, в кредит. На днях жду перевода от матушки, да и отец должен подбросить, так что рассчитаемся...

Франц пересчитывает чашечки, записывает в блокнотик, собирает посуду на поднос, намеревается свернуть и бумажную скатерть, но Фридрих, вдруг очнувшись от дум, выхватывает скатерку, суёт комом внутрь куртки.

– Спасибо тебе, Франц, за прекрасный кофе и за твою доброту!

– Что вы, мы всегда рады видеть вас в нашем кафе!

Фридрих садится на велосипед и мчится вдоль набережной. За ним, как бы пытаясь догнать, движется по небу полная яркая луна. Фридрих косится на нее, улыбается, подмигивает – что-то связывает его с ней...

Узкая улочка, узкий, высокий, трехэтажный старый дом с островерхой крышей в ряду таких же домов, каких полно в городе и в Европе вообще. Фридрих спрыгивает с велосипеда, роняет его на тротуар и, сложив ладони рупором, высвистывает мелодию Штрауса “Проснулись мы с тобой в лесу...”

Одно из окошечек под самой крышей распахивается, и чья-то женская рука машет, зовет его. Он подпрыгивает от нетерпения...

Крошечная комнатка со скошенным потолком. Узкая кровать, умывальник, зеркало со столиком. Книги, тетради аккуратно стоят на маленькой этажерке. Фридрих и Шарлотта кидаются друг другу в объятия, юная страсть захватывает их. Обнаженные, они прекрасны в своем порыве. Луна серебристым светом придает их телам прелесть Роденовских скульптур...

Шарлотта прижимается к Фридриху, он показывает ей через распахнутое окно на Луну:

– Видишь эту красотку? Она всю жизнь преследует меня! И, знаешь, сегодня я, кажется, стал гением...

– Ты всегда им был! Я не сомневалась!

– О, Господи! Как я счастлив, что встретил тебя!

– Ну, это было не так уж сложно, – насмешливо говорит Шарлотта, – одна-две вечеринки, и ты – на крючке! Главное, что ты понравился мне.

Оба хохочут, лаская друг друга.

– Так-то оно так, да не совсем так. Вечеринки, вино, все нравятся друг другу, но знаешь, как возникает свечение паров ртути, когда к вакуумной трубке подведено высокое напряжение?

Шарлотта смотрит с любовью: конечно, знает, ведь она и физик, и химик!

– Думаешь, сразу все молекулы раскалываются и начинают светиться? – продолжает Фридрих. – Черта с два! Процесс ионизации подобен процессу любви: сначала раскалывается одна, самая неустойчивая, но – прекрасная!

– Это – комплимент или... оскорбление? – перебивает Шарлотта.

– Помилуй бог! Если я – прекрасный протон, то ты, естественно, прекрасная молекула...

– Которую можно “расколоть”?

– Которую можно... – Фридрих шутливо рычит, – съесть!

Между ними снова завязывается любовная игра, страсти снова закипают. За их “поединком” с улыбкой наблюдает Луна... Свет от нее столь ярок и необычен, что Фридрих и Шарлотта, словно загипнотизированные ее сиянием, с каким-то суеверным страхом следят за ней.

– Тебе не кажется... – начинает и тут же умолкает Шарлотта.

Фридрих рывком приподнимается, произносит торжественным тоном:

– Нет, милая Шарли, мне не просто кажется, а я уверен! Сегодня, – он вскакивает, нашаривает на полу свою куртку, находит бумажную скатерть, на которой делал расчеты на столике в кафе. Прикрываясь скатертью, грозит Луне, – сегодня я понял, отчего сияет главное наше Светило – Солнце! Луна – это лишь отражение его могучей энергии. И знаешь, откуда такая мощь?

– Откуда же? Наверняка и тут твои проделки, Физль, – смеется Шарлотта.

– Ты что, вообще не принимаешь меня всерьез?! – возмущается, готовый обидеться Фридрих. – Если так, то нам не о чем говорить!

Шарлотта нежно обнимает его, игриво отгибает уголок скатерти, которой он прикрывается.

– Милый! Я всегда принимала тебя всерьез. Ты не только мой самый первый, но и вообще – единственный! Я – однолюбка!

– Откуда ты знаешь? Луна сказала? – все еще сердится Фридрих.

– Какая Луна?! Я! Сама говорю! Какие еще нужны тебе доказательства! Выразить это в виде формулы? Еще одну теорему Ферма? Милый Физзль! У меня – чутье на гениальных парней. Но ты – самый гениальный! Ты – лучше! Потому что ты – добрый, ты хороший человек, вот моя формула счастья. Я хочу тебя...

Фридрих, растроганный признанием Шарлотты, обнимает ее, скатерть ему явно мешает, но Шарлотта, деликатно придерживая скатерть, чуть отстраняется от разгоряченного друга.

– Милый! Ты такой импульсивный, такой непосредственный, такой доверчивый, я боюсь за тебя!

– А ты? Разве ты другая? Хитрая и злая, как Горгона? Если это действительно так, уж лучше сразу признаться. А? Признавайся! Какая ты на самом деле? И это не шутка! Профессор Фрейд предсказал, что у меня будет шесть детей. Шесть!

– Шесть?! – испуганно переспрашивает Шарлотта. – У нас с тобой?!

Фридрих пожимает плечами, он смущен, что расстроил любимую.

– Ну, это по Фрейду... А сколько будет на самом деле, нам решать...

– Ты говоришь так, как будто я уже твоя жена, – вроде бы в шутку, с вызовом говорит Шарлотта. – А между прочим, дорогой мой мальчик, у меня скоро заканчивается курс в университете. И, как ты думаешь, что мне делать дальше?

– Ну, это еще не скоро, что-нибудь придумаем. Пойдешь мыть посуду в кафе “Корона и Копье”, к господину Францу, а я буду вытирать. Вот и заработаем на приличный обед. Еще ты можешь читать лекции для неопытных студенток о том, как быстро и надежно заарканить гениального “мальчика”...

– Вроде тебя?

– Именно это я и имел в виду! – Физзль хлопает себя по лбу. – Черт возьми! Чуть не забыл! Сегодня же у Алекса и Евы свадьба! Они приехали из Вены, чтобы отпраздновать с нами. Собирайся! Стоп! А что подарим? Цветы? В кредит?

Шарлотта снимает с кофточка брошь.

– Пойдет?

– Гениально! Но это же мой тебе подарок!

– купишь другую. Я – готова. Бежим!

Фридрих и Шарлотта катят на велосипеде, причем Шарлотта сидит на раме, а Фридрих крутит педали. Они подъезжают к кафе, спешиваются.

– Слушай, Физзль, ты забыл сказать самое главное: почему сияет Солнце?

Как ты это объяснил? – вспоминает Шарлотта.

– Ну, это просто, – объясняет Физзль. – Солнце сияет и греет Землю потому, что в потенциальном горшке внутри звезды ничего не мешает из двух протонов сострять ядро гелия, а ведь масса ядра гелия меньше суммы слагаемых. Я так и назвал свою статью, но эти чопорные редакторы заменили название на “синтез элементов в звездах”! Но главное, что по формуле Эйнштейна разницу масс умножаем на квадрат скорости света, то есть на триста тысяч километров в секунду! Представляешь? По самым приблизительным оценкам этот процесс может продолжаться миллиарды лет! Так что времени у нас еще навалом! Хотя нет! Нас ждут Алекс с Евой. Быстро в кафе! К тому же, там гость из Америки, Роберт Оппенгеймер. Отличный парень, и тоже – гениальный...

Внутри кафелюдно, весело. Столики сдвинуты, студенты и студентки, держа друг друга под руки и раскачиваясь по-немецки, поют популярную народную песню на слова Гёте. Перед ними, на столиках кружки с пивом, бокалы с вином, на тарелочках нарезанный сыр, орехи, крошечные бутербродики. Студенты поют:

*Для доброго дела собрались мы тут,
Друзья мои, Ergo bibamus!
Беседа прекрасна, стаканы поют.
Дружнее же: “Ergo bibamus!”
Вот слово, что славу стяжало давно,
Оно полнозвучно и смысла полно,
Как эхо пиров вдохновенных, оно,
Священное Ergo bibamus!*

Алекс и Ева, в центре стола, замечают Фридриха и Шарлотту. Потеснившись, им находят два места рядом с друзьями. Шарлотта целует Еву, дарит ей брошку – Ева в восторге, целует Шарлотту, нежно шлепает по щеке Физзля. Официант Франц ставит перед Фридрихом и Шарлоттой кружки с пивом, бокалы с вином. Друзья обнимаются, Фридрих представляет Шарлотте оказавшегося рядом с ней Роберта Оппенгеймера:

- Шарлотта, это Роберт Оппенгеймер, парень из Америки, знакомьтесь!
- Оппи, – представляется Оппенгеймер, с интересом приглядываясь к Шарлотте. Его серо-голубые, яркие глаза уже сияют влюбленностью.
- Фридрих сказал, что вы гениальный физик, – говорит Шарлотта.
- Разумеется, он прав, – шутит Оппи и добавляет: – Но он гениальнее...
- Почему? – удивляется Шарлотта.
- Очень просто: ведь это он, а не я привел вас сюда...
- Ах, поэтому...

Что-то многозначительное, недосказанное проскальзывает между ними, но

Шарлотта не склонна кокетничать, и Оппенгеймер это чувствует...

Студенты просят Франца исполнить его коронный номер, спеть народную песню, пародийно переделанную Гёте. Франц не заставляет себя долго упрашивать, затягивает на унылый мотив, причем слова остро диссонируют с мелодией и манерой исполнения, вызывая взрывы смеха. Франц поет:

*Я раньше влюблялся. Теперь я люблю.
И ради тебя все снесу, все стерплю.
Влюбленный в кого ни попало,
Я ныне блаженство изведаль с тобой
И словно прикован к тебе ворожкой.
И сердце огнем воспылало...*

*Я раньше едал. Ем теперь больше всех.
И пицца приносит мне много утех.
Промчатся года, но покуда
От старости немощной я не умру,
Я буду шуметь за столом на пиру,
Смакуя любимые блюда.*

*И прежде я пил, нынче пью больше всех.
И это отнюдь не считаю за грех.
Рождаются светлые мысли
От жгучих глотков золотого вина.
Так выпьем же крепкие вина до дна,
Покамест они не прокисли!..*

Общее веселье передается и Фридриху с Шарлоттой. Они чокаются кружками с ближайшими соседями, подхватывают песню...

Потом начинаются танцы. Алекс танцует с Евой. Белобрысый высокий студент, как он сам себя называет, Зиги-Дингс, что означает “Зигфрид, имя которого забыто”, уже изрядно подвыпивший, приглашает Шарлотту танцевать, она отказывается, тянет за руку Фридриха, тот спорит о чем-то с Оппенгеймером, отмахивается от Шарлотты. Она, назло ему, идет танцевать с Зиги-Дингсом. Танец убыстряется, пары сталкиваются, смеются. Рядом с Шарлоттой и Дингсом танцует смуглый кудрявый парень, Ганс, с веселой блондинкой. Дингс обнимает Шарлотту, пытается поцеловать. Шарлотта отталкивает его, он в гневе кричит:

– Ты – шлюха! Таскаешься с этим Физзлем! Посмотри на него внимательно, он же чужак, не немец! Как ты, немка, можешь таскаться с таким?! Внимание! Тихо! – орет он. И когда наступает тишина, читает по бумажке:

“Адольф Гитлер. Майн Камф... Не государство является главной

предпосылкой человека более высокой породы, а раса. Это свойство расы вечно... Отсюда вытекает следующее: государство есть средство к цели. Его собственная цель состоит в сохранении и в дальнейшем развитии коллектива одинаковых в физическом и моральном отношениях человеческих существ. Это сохранение относится прежде всего только к тому ядру, которое действительно принадлежит к данной расе и обеспечивает ей развитие тех сил, которые заложены в этой расе... Мы, арийцы, понимаем под государством только живой организм расы... Германское государство должно охватить собою всех немцев и должно поставить перед собой как важнейшую задачу не только собрать и сохранить, но постепенно помочь занять господствующее положение наиболее ценным в расовом отношении элементам... Наш боевой клич становится сигналом, собирающим в наши ряды все, что есть сильного... Вся организация общества должна представлять собою воплощенное стремление поставить личность над массой, т.е. подчинить массу личности... Раса и личность – вот главные факторы...”

Шарлотта вырывает из его рук листок, разрывает в клочья. Он в ярости замахивается на Шарлотту, но Ганс перехватывает его руку, завязывается борьба. Единомышленники Дингса набрасываются на Ганса, начинается потасовка. Фридрих, наконец, замечает, что Шарлотта в опасности, кидается на Дингса. На помощь Фридриху спешат Алекс и Оппенгеймер. Франц свистком вызывает полицию. Но студенты уже сами навели порядок: Дингс и его дружки ретировались в свой угол. Шарлотта с благодарностью пожимает руку Гансу, заступившемуся за нее, знакомит его с Фридрихом. Парни обнимаются – так начинается дружба... Все снова рассаживаются за столики, пьют вино, но уже как-то невесело, грустно...

Уже довольно поздно, на набережной горят газовые фонари. Студенты группами расходятся по домам. Отдельно идут, взявшись за руки, Фридрих с Шарлоттой, Алекс с Евой, Роберт Оппенгеймер и практикант из России Георгий Гамов. Разговор между ними, начатый еще в кафе, постепенно переходит, как это нередко бывает, в идейную дискуссию. Говорит Оппенгеймер, с явным акцентом:

– У нас в Америке тоже бывают случаи проявления расизма. Даже до сих пор действует этот пресловутый ку-клукс-клан! Хотя правительство и губернаторы штатов борются с ним. Но чтобы здесь, в центре Европы... Это – позор нашей цивилизации! Значит, мы еще слишком высокого о себе мнения...

– Германия – страна особая, – говорит Фридрих, – она сильнее всех пострадала от Первой мировой войны. В каждом доме есть две, а то и три фотографии в траурных рамках. Экономика разрушена, до сих пор у немцев нет полного ассортимента продуктов, к которым они привыкли...

– Похоже, Физзль, ты оправдываешь этих негодяев, которые устроили скандал в кафе, – возмущается Алекс Вайссберг. – Вот, Америка сумела объединиться и дала отпор белым расистам. Мы тоже должны держаться

вместе, иначе эти подонки нас сомнут. Ты же знаешь, это не первый случай...

– Наверное, ты прав, – соглашается Фридрих, – но, друг мой, насилие рождает только насилие, это – аксиома! Где выход? Кто скажет?

– Уже сказали: Маркс и Энгельс! – возможно, с излишней эмоциональностью восклицает Алекс Вайсберг. – И Союз Советских Социалистических Республик – наша общая надежда! Гамов – наша надежда!

– У нас тоже не без проблем, – уклончиво отвечает Гамов.

– Друзья! – восклицает Алекс Вайсберг. – Ваш скептицизм естественен. Наверное, каждый, кто живет в той или иной стране, найдет уйму недостатков. Но мы сейчас говорим в принципе, глобально! Уже первые шаги советской власти говорят о том, что в СССР делается все для трудящихся, для простых людей. И там – истинный интернационализм!

– И там нет антисемитизма! – добавляет Ева.

– У нас в институте нет, – соглашается Гамов. – Но как обстоят дела в других местах, не знаю.

– Надо говорить в принципе! – горячится Алекс. – Все нации равны, все народы свободны! Каждая республика имеет право выхода из Союза – это ли не показатель новой, социалистической демократии!

– Теоретически это так, но как будет на практике? Таких экспериментов еще никто не делал, – насмешливо замечает Гамов. – Ты, молодец, Алекс, что так горячо веришь в новый режим, надо же во что-то верить...

– Ты, Георгий, сказал “режим”? – уточняет Оппенгеймер. – Так?

– Да, Оппи, я сказал “режим” и ты понял правильно, – жестко отвечает Гамов. – Режим потому, что у нас в СССР диктатура пролетариата, а всякая диктатура – режим! Всякая революция это романтизм плюс бандитизм! Вспомните Французскую революцию. Сколько голов сожрала гильотина...

– Но это же власть народа, черт побери! – взрывается Алекс. – Если победивший народ не создаст сильное государство, его сомнут, снова закуют в цепи!

– Кто закует? – иронически спрашивает Гамов.

– Империалисты! Враждебное окружение, которое только и ждет момента, когда можно будет наброситься на молодое, еще слабое советское государство, – доказывает Алекс. – И долг всех честных, порядочных людей – помочь СССР в этот трудный период!

– А что мы можем сделать? Конкретно! Ты, я, она, он? – интересуется Оппенгеймер.

– А тебе знакомы имена европейских интеллектуалов, которые выступили в защиту СССР, – Анри Барбюс, Ромен Роллан, Стефан Цвейг, Лион Фейхтвангер, Генрих и Томас Манны, Герман Гессе, Бертольд Брехт, Герберт Уэллс... Достаточно?

– Да, имена эти нам знакомы, – отвечает Гамов. – Но есть и другой ряд имен, не менее знаменитых. Я – русский, поэтому назову только русских. Например?

Иван Бунин, Константин Бальмонт, Николай Гумилев, академики Иван Павлов и Владимир Вернадский, писатель Короленко... Достаточно? Это гении русского народа и они не приняли насилие как путь для строительства нового мира, – говорит Гамов.

– Но им же дали высказаться, не заткнули рты, как это делают в старой доброй Европе! Да и в Америке! Чего стоит только одна расправа над Сакко и Ванцетти! – горячо парирует Алекс. – Я убежден: чтобы поддержать родившийся в муках новый мир в России, мы все должны объединиться. Призываю всех вступать в компартию Германии! Я – уже вступил! И только так, объединившись, мы сможем помочь русскому народу победить!

– Народу нужны две вещи: кнут и пряник, – говорит Гамов.

– А свобода?! – кричит Алекс.

– Да, разумеется, свобода – тоже. В первом случае, чтобы добровольно снимали штаны перед поркой, во втором – чтобы бегали за водкой перед употреблением пряника... Ученый должен заниматься наукой! – решительно заключает Гамов.

– Но он должен иметь прогрессивные политические взгляды, – с трудом подбирая слова, формулирует Оппенгеймер. – Думаю, что Алекс прав, но не обязательно быть партийным функционером...

Похоже, Оппенгеймер попал в точку, его поддерживает Гамов. Фридрих и Шарлотта переглядываются, как бы желая сверить свои позиции, и оба жмут руку Оппенгеймеру. Но Фридрих жмет руку и Алексу...

К тускло освещенному кафе “Корона и Копье” подкатывает роскошный лимузин. Двое в военной форме, бесцеремонно расталкивая студентов, отыскивают Дингса и его дружков, приглашают в лимузин. Компания усаживается в машину и, хором горланя боевую песню, уезжает.

Лимузин мчится по извилистой дороге, все выше и выше, явно стремясь достичь вершины холма. И вот – вершина. На ней, как на картине, древний германский замок, место где нацисты выводят чисто арийскую рассу. Притихшая компания, ведомая людьми в форме, входит в замок. Роскошные залы, украшенные картинами и гобеленами с рыцарскими сюжетами. Вдоль картин, словно туристы, прохаживаются молодые люди – немцы и немки. Отборные полуобнаженные самцы и самки. Наш знакомый студент Дингс подыскивает себе пару. На столиках – фрукты, шампанское, пирожные. Время от времени нашедшие друг друга пары проходят в боковую нишу, где организован кабинет для проверки высшего “арийского качества” – “доктор” в белом халате и его помощница производят стандартные замеры размеров черепа, роста, всей физической стати. Дингс выбирает высокую мускулистую девушку, она оценивающе оглядывает его с головы до ног, кивает, и они направляются на “проверку”. Дингсу и девушке, пожелавшим создать истинно арийское потомство, “врачи” в военной форме выдают Свидетельство,

поздравляют и препровождают сначала в душ, а затем в специально отведенную спальню для соития. Там это и происходит – как с племенными животными... Дружки Дингса тоже находят себе самок...

Фридрих и Алекс провожают в дальний путь Шарлотту и своих друзей: Шарлотта и Оппенгеймер едут поездом в Данциг, а оттуда пароходом в США, Гамов возвращается в Ленинград, в Физико-технический институт, к своему руководителю А.Ф.Иоффе.

На маленьком вокзале Геттингена людно. Вокруг сует народ – отъезжающие, провожающие. Кондукторы поглядывают на круглые часы на башне. Шпиль башни увенчан крылатым ангелом, его золочёные крылья отражают свет яркого солнечного дня. Как водится, перед прощанием продолжаются разговоры, начатые вчера и позавчера...

– То, что ты сказал вчера, – говорит Оппенгеймер, обращаясь к Фридриху, – колоссальная идея. Я имею в виду термоядерные реакции на Солнце. Напиши статью, пришли мне, напечатаем в США.

– Физзль – молодец, хотя и экспериментатор, но думающий! – то ли с иронией, то ли всерьез говорит Гамов.

– Типичное высокомерие теоретика, – смеется Алекс. – Физзль! Возьми да и утри им всем нос! Напиши! И пусть только попробуют не напечатать!

– Не сбивайте его с главной задачи! Он должен защититься! Стать доктором физики! – возражает Шарлотта. – Иначе в Америке ему нечего делать...

– Защититься – не проблема. Старик Борн, Макс фон Лауэ и Джеймс Франк хоть сейчас готовы подписаться под моим дипломом доктора, – говорит Фридрих. – Надо же думать о будущем, о Будущем с большой буквы. Правильно, Оппи?

– Разумеется! Кстати, о Будущем с большой буквы. Ты, Фридрих, как-то говорил о твоих опытах с парами ртути. У тебя нет желания проверить мою, громко говоря, квантовую теорию непрерывных спектров? На твоей установке! А?

– Прекрасная идея! Именно на этой установке я делаю свою диссертацию! – восклицает воодушевленный Фридрих. – Проверим!

– А расчеты сделайте вместе с Гамовым. Сразу опубликуем в Америке! – еще больше воодушевляется Оппенгеймер. – Давайте, парни! Буду ждать! Не здесь ли то Великое Будущее, о чем мы тут сейчас толковали?

Раздается свисток кондуктора. Друзья-физики сдвигаются в тесный кружок, обнимаются. Фридрих показывает на часы – стрелки как бы застыли, фигурки в окошечках спрятались за двусторчатными ставенками – время остановилось!

Внезапно в небе вспыхивает ярчайший свет – “ярче тысячи солнц”. Он свирепствует какие-то секунды и стирает все реальное, что было только что. Слабыми контурами, словно в недопроявленном негативе, появляются фигуры

наших героев. Огненный шар превращается в пурпурную массу пламени. Столб белого дыма вздымается ввысь, его верхушка принимает грибообразную форму, отделяется от столба, который снова принимает грибообразную форму... Слышен плавающий, искаженный голос Оппенгеймера:

*Мощью безмерной и грозной
Небо над миром блистало б,
Если бы тысяча солнц
Разом на нем заблестала.*

В той же размытой пелене звучит голос Оппенгеймера:

Мы сделали работу за дьвола...

Друзья, словно не было этих зловещих видений, сердечно прощаются.

– Фриц, – говорит Шарлотта, – как только устроюсь, дам телеграмму, а ты – готовься, жду тебя в Америке. В Европе нам уже тесно. Правильно?

– Думаю, да, правильно! – говорит Оппенгеймер. – Я помогу вам устроиться. – дает Шарлотте визитную карточку.

– Главное, Оппи, – шутит Фридрих, – как говорит Гамов, держать хвост дудочкой! Если у тебя появятся проблемы с новыми идеями, обращай к нам! У нас проблемы только с долларами...

Оппенгеймер смеется – лучезарно, обвораживающе, как он с блеском умеет это делать. Дружески хлопает Фридриха по плечу.

Шарлотта обнимает Фридриха. Все прощаются. Оппенгеймер, Шарлотта и Гамов садятся в поезд – Фридрих и Алекс с Евой остаются на перроне. Сверху, от позолоченных крыльев ангела исходит какой-то зловещий отблеск – красноватый от закатных лучей и в то же время пронзительный от некоей сверхъестественной сути, таящейся в глубине Времени... Фридрих всматривается в ангела с его зловещими крыльями – поезд отъезжает. Фридрих бросается вслед за ним, но Шарлотта уже скрылась в вагоне, машет ему из окна. Фридрих догоняет вагон, хватается за раму, подтягивается на руках, целует Шарлотту, спрыгивает на перрон...

В университетском зале молодому доктору наук Хоутермансу торжественно вручают Диплом. Председательствующий Макс Борн произносит краткую поздравительную речь. Две студентки помогают Хоутермансу облачиться в мантию, надеть шапочку Доктора философии. Он целует им руки. Благодарит сидящих в Президиуме Макса Борна и Макса фон Лауэ, обращаясь к каждому персонально:

– Уважаемый профессор Борн! Очень признателен вам за внимание к моим работам и доброе, снисходительное отношение, а также за ценные советы,

которые вы со свойственной вам щедростью мне давали. Спасибо!

Маститый Макс Борн, очень живой и подвижный человек, поднимается из-за стола, жмет руку Фридриху. Тот обращается к Макс фон Лауэ:

– Уважаемый профессор Макс фон Лауэ! Примите мою глубочайшую признательность за ваше мудрое руководство при выполнении этих работ, удостоенных столь высокой оценки! Убежден, что и профессор Борн, и вы, профессор фон Лауэ, в очередной раз показали нам, молодым, входящим в науку людям, что значит требовательная доброта и коллективизм в науке. Благодарю вас!

Макс фон Лауэ выходит из-за стола, жмет руку, обнимает Фридриха, поправляет на нем четырехгранную шапочку Доктора, говорит:

– Дорогой Фридрих! От имени всех, кто сидит за этим столом, и кто находится в зале, поздравляю вас с окончанием первого важного этапа в вашей научной карьере. Убежден, как и мои уважаемые коллеги, что ваш талант физика-экспериментатора, ваша творческая суть, данная свыше, будут иметь дальнейшее развитие.

И не только в области физики. Поясню: такие люди, как вы, честные, любознательные, люди упорные, трудолюбивые и вместе с тем живые, веселые, остроумные, открытые всему миру, такие люди – нужны изнывающему от казенной скуки человечеству и нашей Родине, Германии! Будьте же удачливы на избранном вами поприще и не растрачивайте свое время на пустяки, хотя вряд ли хоть что-нибудь в нашей жизни можно назвать пустяком. Удачи вам, доктор Хоутерманс!

Макс фон Лауэ обнимает Фридриха и, растроганный, возвращается на свое место.

Фридрих, взволнованный церемонией, смотрит поверх голов вдаль и там, вдали, словно мираж, возникают заснеженные пики гор, голубые долины, леса, озеро, водопад, – пейзаж, который он видел на приеме у доктора Фрейда...

Фридрих и его молодые коллеги в докторских мантиях идут, взявшись за руки, по вечерним улицам Геттингена к источнику, над которым стоит бронзовая пастушка Лизетта, “девушка для поцелуев”. Они омыают лицо в источнике, по очереди целуют бронзовую девушку – такова давняя традиция...

Естественно, Фридрих торопится поговорить с любимой Шарлотте, ищет свободный телефон-автомат, наконец, ему везет: есть автомат, есть монеты и связь с Америкой тоже.

ФРИДРИХ. Шарли!

ШАРЛОТТА. Фриц! Милый! Наконец-то!

ФРИДРИХ. Шарли, милая! Мотался, как собака! Сегодня вопрос решился, я получил должность первого ассистента в физическом отделе Высшей технической школы в Берлин-Шарлоттенбурге! Шарлоттенбург! Я счастлив уже от одного названия, это же твое имя!

ШАРЛОТТА. Милый! Я так тоскую по тебе!

ФРИДРИХ. Я – тоже! От моих чувств к тебе перегорят провода!

ШАРЛОТТА. Значит, ты уже в Берлине... Как ты устроился? Где живешь?

ФРИДРИХ. Мы тут коммуной – Роберт Аткинсон, астроном из Британии, он обучает меня боксу, счет 10:3 в его пользу, но, клянусь, скоро уложу его хуком. Алекс Вайссберг с Евой, еще ребята. Все славные, не зануды! Ева, между прочим, оказалась прекрасной поварихой и потрясающей художницей! Она раскрашивает кофейные чашечки, вазочки, делает очень изящные акварели, а мы – продаем. Живем в бывшей казарме, но зато рядом с лабораторией. Мой шеф – сам Густав Герц! Нобелевский лауреат! Представляешь? Мы тут такие дела разворачиваем, нобелевский комитет уже чешет затылки, кому давать очередную премию.

ШАРЛОТТА. Конечно, тебе! Я этого жду, милый!

ФРИДРИХ. Не волнуйся, Шарли, сделаем! Коллективно! У нас Алекс – партийный шеф. А ты знаешь, я тоже вступил...

ШАРЛОТТА. Думаешь, это правильно?

ФРИДРИХ. “Кто был ничем, тот станет всем...”

ШАРЛОТТА. Боюсь, что тот, кто был ничем, так и останется ничем, даже если ему дадут высокий пост...

ФРИДРИХ. У меня кончаются монеты. Шарли! Я жду тебя. Алекс с Евой едут в Россию. В Одессе будет проходить Первый Всесоюзный съезд физиков. Они сделают нам с тобой приглашения. С оплатой всех расходов! Представляешь? Давай! Срочно на корабль! В России и поженимся. Это – мое официальное предложение! Поняла? Шарли!

ШАРЛОТТА. Надо подумать... Фриц! Я люблю тебя!

ФРИДРИХ. Скажи, как любишь? Громче! Шарлотта! Я снял квартиру! Алле! Но мелочь кончилась. Фридрих трясет автомат – связь оборвалась...

В спортивном зале общежития дружеский поединок по боксу между Фридрихом и Аткинсоном. Бой идет с переменным успехом: то Фридрих на полу, то Аткинсон. И вдруг Фридрих проявляет чудеса изворотливости и упорства, в результате – удачно проведенный хук правой, и Аткинсон в нокауне. Победа за Фридрихом. Зрители-друзья бурно приветствуют обоих: и победителя и побежденного. Огромный торт, который выносит Ева, едят дружно, всей компанией.

На берлинском вокзале Фридрих встречает Шарлотту, вернувшуюся из Америки. На ней новая шляпка, модные туфельки, она сильно изменилась: повзрослела, похорошела, но такой же пылкой любовью светятся ее глаза, когда она, наконец, встречается с Фридрихом. И Фридрих – тоже: счастлив, бормочет только одно ее имя: “Шарли, о, Шарли, о, Шарли...” Они едут на квартиру, которую снял Фридрих для их медового месяца. И месяц этот начинается

тотчас, едва они переступают порог этого скромного, но уютного жилья...

У Фридриха еще один сюрприз для Шарлотты: их русский друг Гамов устроил им вызов на международный съезд физиков в Одессу весной 1930 года...

Большой нарядно украшенный зал, где проходит Первый Всесоюзный съезд физиков, ставший международным. Над столом Президиума красное полотнище, надпись на многих языках. По-русски это так: “Физики мира, объединяйтесь! Во имя светлого будущего всего человечества!”

Фридрих Хоутерманс делает доклад, понятный только физикам: “О ширине ядерных состояний и возможности резонансного поглощения частиц атомными ядрами”. Он заканчивает сообщение, зал дружно аплодирует. Фридрих возвращается на свое место в зале, рядом с Шарлоттой, Алексом и Евой. Физики, сидящие рядом, жмут руку Фридриху, поздравляют с блестящим докладом. Шарлотта целует Фридриха... Выступают другие докладчики, но вот Съезд объявляется законченным...

Ученые группками направляются в банкетный зал, обмениваются визитками, кое-где вспыхивает спор, чисто научный. Атмосфера живая, дружественная...

Фридрих, Шарлотта, Пайерлс, Ева и Алекс Вайсберг знакомятся со своими советскими коллегами. Их знакомит Евгения Николаевна Канегиссер, студентка физико-математического факультета Ленинградского университета, двоюродная сестра поэта Леонида Канегиссера, убившего в 1918 году организатора красного террора в Питере М.Урицкого, женщина, блистательная во всех отношениях, будущая жена немецкого физика Рудольфа Пайерлса, который впоследствии стал английским сэром, а она, соответственно, леди Пайерлс:

– Друзья, – говорит она, – позвольте представить наш знаменитый “Джаз” физиков. Георгий Гамов по кличке “Джо”, солирует на квантовых инструментах.

Гамов жмет всем руки, откланивается, уступая место друзьям.

– Дмитрий Иваненко, – продолжает Канегиссер, – по кличке “Димус”, дуэты с Фокком и Амбарцумяном по мотивам Дирака и всемирного тяготения друг к другу хороших людей...

Иваненко кланяется.

– Матвей Бронштейн, – продолжает Канегиссер, – он же “Аббат”. Не знаю, почему “Аббат”, но это милый, остроумный парень, конечно, всезнайка с большими перспективами. Излишняя скромность – главный его недостаток...

Бронштейн застенчиво поправляет очки, которые то и дело съезжают ему на нос, жмет руки новым друзьям.

– Лев Ландау, – продолжает Канегиссер, – по кличке “Дау”. Естественно, солист, любитель квантовых симфоний, фазовых переходов второго рода, сверхтекучести сути прекрасных дам и теории их возбуждения...

Ландау отвешивает вежливые поклоны, жмет руки, улыбается.

– Валентин Фомин, – продолжает Канегиссер, – будущее советской и, убеждена, мировой физики. К тому же прекрасно играет на гитаре и поет.

Фомин молод, застенчив, улыбается, пожимает плечами, не решается протянуть руку столь маститым, по его мнению, ученым.

– А это – Ева, жена Алекса Вайсберга, – нараспев говорит Канегиссер, – талантлива во всем, но более всего в живописи...

Хрупкая, стеснительная Ева протестующе отмахивается от комплиментов.

– Вадим Горский, – представляет Женя Канегиссер, – на “ты” с рентгеновскими лучами, видит всех насквозь, сам источник лучей, но – хороших, добрых...

Горский жмет всем руку, кланяется дамам, держится достойно, серьезно.

– А это обаятельный Лев Шубников, – продолжает знакомить гостей Женя Канегиссер. – Достиг почти абсолютного нуля, – смеется, – но лишь в области температур. А в жизни – горяч, как Солнце, и даже горячее! Доказательство тому – его тоже обаятельная супруга Ольга Николаевна Трапезникова, будущая мама нового гения!

Все смеются, жмут руку Ольге Николаевне и Шубникову.

– Юрий Крутков! – выкрикивает Канегиссер. – Профессор Ленинградского университета! Интересуется только квантами и твердыми телами. Нам это не грозит...

Элегантный, сдержанный Юрий Александрович знакомится со всеми.

– Моисей Корец, – представляет гостям Канегиссер. – Молодой, но весьма подающий надежды..

– Александр Ильич Лейпунский! – торжественно объявляет Женя Канегиссер. – Человек серьезный, интересуется только ядрами и протонами, того и гляди расколет ядро лития и обнаружит внутри – Нобелевскую премию!

– Иван Васильевич Обреимов! – торжественно объявляет Женя Канегиссер. – Не просто прекрасный директор Украинского физико-технического института, но и первоклассный физик!

– Лев Розенкевич, – устало объявляет Женя Канегиссер, – очень хороший физик и человек. Добрее человека вы врядли найдете в этом банкетном зале.

Розенкевич скромно здоровается со всеми за руку.

Все эти, названные Женей Канегиссер имена, и многие другие, неразборивые, отпечатываются на серых страницах казенной папки НКВД – сверху черным штампом ложится мрачный отпечаток: “ДЕЛО УФТИ. 1937”...

Гремит праздничный оркестр. Вокруг щедро накрытых столов рассаживаются хозяева и гости Съезда, кто-то произносит невнятную речь, тонушую в общем шуме и гаме. Все чокаются шампанским.

Откуда-то сверху доносится истошный голос: “За товарища Сталина! Вождя и учителя всех народов!..”

Однако не все встают и поднимают бокалы в знак солидарности с тостом.

Сбоку, из-за портьеры, какой-то кинооператор ведет тайную съемку банкетного зала. Он снимает всех, но особое внимание уделяет тем, кто не приветствовал “вождя и учителя всех народов”. На его пленку попали и сам Фридрих Хоутерманс, и его друзья по Харьковскому физико-техническому институту...

На большом теплоходе участники прошедшего съезда физиков, в основном иностранные гости, плывут по Черному морю, чтобы ознакомиться с солнечным Крымом, Абхазией, вообще отдохнуть после напряженного труда. Среди пассажиров теплохода – Шарлотта и Фридрих, им отвели отдельную каюту, и они редко появляются на палубе... Звучат популярные советские песни тех лет...

Первая остановка – Ялта. Субтропики, пальмы, жара... В скверике, в тени, возле пересохшего фонтана лежат люди – пыльные, изможденные, еле живые. Гости окружают их, разглядывают. Люди тянут руки, просят еды, показывают исхудавших детей – те тоже протягивают ручонки за милостыней.

Шарлотта хватает Фридриха за руку, увлекает за собой. Они бегут на пристань, поднимаются на теплоход, проходят в свою каюту. Торопливо собирают в большую сумку все съестное, что у них было, – булочки, сыр, шоколад, бутылки с водой. Затем заходят в буфет, покупают еще целый пакет еды. Бегом возвращаются к лежащим в пыли людям, раздают им продукты. Женя Канегиссер энергично зовет всех последовать примеру Шарлотты и Фридриха. Ученые торопливо уходят на корабль, возвращаются с пакетами и сумками, набитыми продуктами. Женя Канегиссер, Ева и Шарлотта раздают продукты, стараясь, чтобы досталось всем. Несчастные боязливо рассовывают бесценные дары по мешкам, котомкам, карманам. Из кустов появляется молодой охранник в форме НКВД, заспанное лицо хмурое, злое, он подозрительно оглядывает всех, поправляет ремень с револьвером в кобуре, пересчитывает людей возле фонтана, как пастух пересчитывает скот в стаде, делает знак иностранцам, чтобы шли своей дорогой.

Гости в недоумении, их возмущает, почему эти люди голодны и так несчастны? Это что, нищие? Пояснения дает Алекс Вайсберг:

– Товарищи, господа! В Советском Союзе сейчас завершается борьба с кулаками, борьба жестокая, не на жизнь, а на смерть! Эти люди – кулаки, враги нового строя! Они против коллективизации в сельском хозяйстве, поэтому их выселяют в северные районы...

– Эти старики и старухи, эти женщины с детьми – враги?! – поражается Пайерлс.

– Разве так выглядят “враги”? – сомневается и Зоммерфельд.

Гамов, подзвав Хоутерманса и Шарлотту, показывает на Алекса:

– Этот молодой талантливый господин, на мой взгляд, слишком увлечен идеей всемирного братства. Более умудренные мужи науки, например, академик

Иван Петрович Павлов, лауреат Нобелевской премии, кстати, живущий в СССР, имеет несколько иную, чем у господина Вайссберга, точку зрения. – Он вынимает из кармана листок, показывает всем. – Это, господа, фрагменты из публичных выступлений академика Павлова. Тексты выступлений ходят по рукам, их переписывают, передают друг другу. Слушайте! *“...Мы живем под господством жестокого принципа: государство, власть – все. Личность обывателя – ничто. Жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда, – все это в руках государства. А у обывателя только беспрекословное повиновение... На таком фундаменте, господа, не только нельзя построить культурное государство, но на нем не могло бы держаться долго какое бы то ни было государство... Потому что государство должно состоять не из машин, не из пчел и муравьев, а из представителей высшего вида животного царства...”* – Гамов аккуратно складывает листок, прячет в карман и, показывая на лежащих людей, спрашивает Алекса. – Кто это, по-твоему, личности или муравьи? Почему их так содержат? За что?!

Алекс обескуражен, но не сдаётся:

– Сколько тебе объяснять? Идет классовая борьба, без борьбы вообще никакая жизнь не возможна!

– Лично я не приемлю такое общество, в котором для “счастья” большинства надо уничтожать людей, причем абсолютно беззащитных!

– Ты многого не понимаешь. Тебе надо почитать труды Бухарина, – парирует Алекс. – Я с ним встречался в Москве, беседовал, выдающийся человек!

– Да, я читал его статьи. Он выступает против Сталина, так что, увы, дни его сочтены...

Алекс не согласен, но продолжение спора в присутствии физиков считает неуместным.

– Поживем – увидим, – отделяется он обычной фразой.

Гости, расстроенные увиденным и услышанным, покидают “фонтан” и торопятся на теплоход, подальше от страшной действительности...

Вторая остановка – Сухуми. Прекрасный белый город, пальмы, дружелюбные абхазцы. На лотках – свежие фрукты, в кабачках – вино. Из громкоговорителей на столбах льются народные мелодии, девушки нарядно одеты, парни сидят в тени, потягивают свежее вино. Идиллия...

Фридрих и Шарлотта, держась за руки, бегут к морю. Прибойная волна окатывает их до колен. Они смеются, счастливы. Фридрих прямо в одежде бросается в волны, плывет вдоль берега, Шарлотта бежит по песку, размахивая туфельками...

Принаряженные, строгие, Фридрих и Шарлотта в сопровождении Алекса Вайссберга, Евы, Жени Канегиссер, Пайерлса, Льва Ландау и других физиков, оформляют брак в Сухумском ЗАГСе. Полный веселый абхазец, а может быть грузин, разглядывает паспорта Фридриха и Шарлотты, цокая от удивления,

говорит:

– Насколько я разбираюсь в винах, это – немцы!

– Да, да, мы – немцы. Вы, товарищ, прекрасно разбираетесь в винах.

– Вай-вай-вай, друзья, я же не знаю самого главного: а могу ли я оформить брак двух этих милых немцев? – весело, явно желая разыграть гостей, говорит абхазец. – В таком важном деле, как говорит наш народ, все эти штампы, печати, записи – как веревки для горных козочек. Они свободны и прыгают по горам там, где хотят. Немцы, французы, русские – какая разница! Если такие красивые молодые люди ищут счастье и находят его в нашей солнечной Абхазии, надо им это счастье дать! Так думаю я! И плевать нам на все формальности: можно – нельзя! Я говорю – дать! И – расписывайтесь!

Пока он так эмоционально и витиевато объяснялся, он успел оформить записи в своих “амбарных” книгах, заполнил (на абхазском языке!) Свидетельство о браке, проставил штампы. Появились бутылки шампанского, фужеры, и абхазец торжественно произнес:

– Именем Советской Солнечной Абхазии объявляю вас мужем и женой! Желая вам счастья и, конечно, деток, – он, прищурившись, внимательно посмотрел сначала на Шарлотту, потом на Фридриха и закончил, – как минимум – шесть! У нас, горцев, шесть ребятишек – счастливое число. – обращаясь к Фридриху. – Дорогой Фридрих! У нас по Конституции равноправие, но мужчина, по традиции, сильнее. Поэтому прошу, пока мы открываем шампанское, попробуй возьми на руки свою избранную и подними так высоко, как только ты сможешь. А мы – разливаем шампанское...

Алекс синхронно переводит речи доброго абхазца, и, когда бутылки открыты и фужеры пенятся шампанским, Фридрих подхватывает Шарлотту на руки и поднимает на вытянутых руках. Шарлотта обхватывает Фридриха за шею, крепко целует. Они, действительно, счастливы. Все чокаются шампанским, абхазец обнимает молодоженов, вручает Свидетельство, но в последний момент кончик Свидетельства макает в фужеры с шампанским молодоженов. Друзья поздравляют Шарлотту и Фридриха. Женя Канегиссер пытается прочесть то, что написано в Свидетельстве, но абхазский язык ей не по силам. Тогда эмоциональный Лев Ландау выхватывает у нее Свидетельство и уверенно читает, импровизируя на ходу:

– Свидетельство имярек выдано с тем, чтобы Он, муж, достойно трудился на ниве любви и творчества, сделал бы шесть великих открытий в области физики, получил Нобелевскую премию, а Она, жена, была бы верной подругой и женой, родила бы ему шестерых детишек и, да поможет им Господь! – были бы счастливы от минус бесконечности до плюс бесконечности! Ура!

Это “Ура!” еще долго звучит в будущей жизни молодоженов, пока они возвращаются в Германию. Но Германия, Берлин встретят их зловещими знаками – уже 1933 год...

Ночное факельное шествие нацистов по Берлину, зловеще марширующая в темноте фашистская свастика из горящих факелов. На трибуне Гитлер вскидывает руку в фашистском приветствии...

Штурмовики и студенты-нацисты в сквере перед Государственной оперой, в самом центре Берлина, швыряют в огонь книги из центрального книгохранилища-библиотеки. Пылает гигантский костер – так сгорает сама Культура!

Фридрих дома, готовится к лекциям, делает записи, размышляет. Шарлотта на кухне готовит обед и читает книгу, машинально помешивая ложкой в кастрюле. В кроватке безмятежно спит маленькая Джиованна, “Бамси”, прозванная так отцом.

Внезапно – грубый стук в дверь. Фридрих кричит Шарлотте, чтобы открыла, та занята на кухне, к тому же ее увлекает книга. Стук повторяется. Фридрих, раздраженный, открывает дверь. В квартиру врываются штурмовики в коричневой форме с фашистскими повязками на рукавах. Главарь – тот самый Дингс, студент, который не так давно в Геттингене приставал к Шарлотте во время свадьбы Евы и Алекса. Обыск! Дингс предъявляет Фридриху официальный ордер. Оттолкнув Фридриха, нацисты проходят в его кабинет, с бесцеремонностью бандитов шарят по книжным полкам, обследуют письменный стол. Один молодчик находит подшивку квитанций за вина. С изумлением показывает Дингсу – тот внимательно изучает квитанции, хохочет. Однако смех этот зловещий. Фридриха уводят. Шарлотта в смятении ходит по разоренной квартире...

Фридриха заводят в здание гестапо в центре Берлина. Вход в длинный и мрачный коридор закрыт дверью из железных прутьев. У входа – охранник в гестаповской форме. Вдоль стен коридора длинные скамьи, на них – арестованные: мужчины и женщины, немцы, евреи, поляки... По одному их вызывают в кабинет на допрос. Фридрих сидит среди арестованных. Старик еврей, сидящий рядом, шепчет ему:

– Ты – молодой, иди без очереди. Осталось два часа до окончания работы, а смотри, сколько народу. Если не успеешь пройти до закрытия, загонят в грузовики и увезут на вокзал. Те, кого увозят, исчезают, никто еще не вернулся... Я – старый, уступаю свою очередь...

Фридрих жмет старику руку, вскакивает, врывается в кабинет, не дожидаясь, когда его вызовут.

В кабинете – Дингс, два помощника и стенографистка.

– Прошу срочно допросить меня. Я – физик Фриц Хоутерманс, выполняю важную для Германии работу. Мой долг – выполнить работу к утру. Это связано с вооруженными силами моей родины! – импровизирует на ходу Фридрих.

– Ты работаешь в Высшей технической школе в Берлине, ассистентом у этого

еврея Густава Герца, так? – спрашивает Дингс.

– Да, я работаю в Высшей технической школе, но я – доктор философии по разделу физики. А профессор Густав Герц – лауреат Нобелевской премии!

– А при чем здесь вооруженные силы? – спрашивает Дингс. – Насколько нам известно, ты пописываешь статейки с евреем Аткинсоном, интересуешься звездами, солнцем. Чем не работа, да? – хохочет, обращаясь к своим коллегам. – Ты, марксист, недурно устроился, не то, что мы, возимся тут со всяким дерьмом!

– Звезды и Солнце – источники громадной энергии, мы с доктором Аткинсоном открыли, почему звезды и солнце светятся и откуда в них такая энергия. Для вооружений Германии это вопрос чрезвычайной важности, потому что собственных запасов нефти у нас нет, а угли бедные. Если нам удастся в лаборатории воспроизвести те процессы, что происходят на солнце и в звездах, тогда проблема энергии будет решена!

– Хитро! Ладно, черт с тобой! Но объясни, откуда у бедного марксиста столько денег, чтобы оплачивать счета на такие изысканные вина? – спрашивает Дингс, доставая из коробки, в которой лежат конфискованные при обыске документы Фридриха, внушительную пачку счетов за вина. – А? За счет энергии Солнца и звезд?

– Всем известно, что мою учебу в Геттингене оплачивал мой отец. Ну и, естественно, подбрасывал время от времени, для поддержания боевого духа, – пытается отделаться шуткой Фридрих.

Дингс поднимается из-за стола, сжимает в кулаке квитанции и с размаху бьет Фридриха в лицо. Разбит нос, течет кровь. Дингс выталкивает Фридриха из кабинета. Швыряет вслед пачку квитанций.

– Это тебе аванс за танцы в Геттингене! – злобно шипит он...

Шарлотта ждет телефонного звонка, самого Хоутерманса. Уже вечер. Наконец, появляется Фридрих. Шарлотта кидается к нему, с тревогой осматривает припухшее лицо мужа, прикладывает к синяку под глазом холодную смоченную салфетку, вытирает кровь.

– Фридрих, что произошло?! – спрашивает Шарлотта.

Фридрих криво усмехается:

– Нам повезло, отец забыл квитанции за вино. Они решили, что никакой марксист не может позволить себе такие расходы.

Но Шарлотта не разделяет его оптимизма:

– Фриц! Это сегодня повезло, а завтра?..

– Завтра... – задумчиво повторяет Фридрих...

Берлинская улица запружена народом. Все ждут, что вот-вот проедет машина Гитлера. Толпа наэлектризована, многие с фашистскими повязками на рукавах.

Фридрих, оказавшийся в самой гуще, вынужден стоять вместе со всеми,

ждать Фюрера. И вдруг рев восторга, начавшийся где-то вдалеке, докатывается до Фридриха. Люди вокруг, словно бесноватые, подпрыгивают, орут, вскидывают руки в фашистском приветствии. Фридрих явно выделяется среди беснующейся толпы: ни восторга, ни вскинутой руки. Он обеспокоен, испуган массовым психозом. Незаметно, из-под полы пиджака вытягивает заранее заготовленную для такого случая марлевую повязку, кладет в нее правую руку, выставляет демонстративно напоказ. Его с двух сторон подпирают два типа с характерными усиками и выправкой, хотя и в штатском. Они пытаются оттереть Фридриха от ограждения, один хватает за руку, желая проверить, действительно ли рука не в порядке. Фридрих, как немой, показывает на висящую плетью правую руку, давая понять им, что она парализована. Шпики проверяют: рука действительно висит как плеть, а сам “подозрительный” мычит что-то нечленораздельное, его оставляют в покое. Пока они с ним возятся, машина с Гитлером минует это место...

Фридрих получает телеграмму от матери, из которой явствует, что она все же решила на эмиграцию и просит сына срочно приехать вместе с Шарлоттой и дочкой. Фридрих и Шарлотта поспешно собираются, Джиованна хнычет, она устала от частых путешествий. Но это скорее напоминает бегство от опасности, и она, чувствуя это, быстро и деловито собирает в путь свои игрушки.

Поезд “Берлин-Вена” прибывает на главный вокзал Вены. Прибывшие из Берлина Фридрих, Шарлотта и их полутороговалая дочка Джиованна направляются на вокзальную площадь, усаживаются в экипаж, носильщик загружает чемодан и сумки, Фридрих рассчитывается с ним, и семейство катит по улицам Вены. Однако путь впереди перекрыт людьми с фашистскими повязками на рукавах. Кучеру приказывают ехать объездным путем, он протестует, показывая, что это совсем рядом, надо только проехать через главную площадь. Но начальник оцепления непреклонен.

– Ты что, старый, рехнулся? – возмущается он. – Сегодня исторический день. Выступление Фюрера! Пошел вон со своими клячами! – Замахивается плеткой, кони шарахаются в страхе. – И смотри, больше не попадайся мне на глаза!

Кучер вынужден ехать в объезд, по узким улочкам. На одной из них расположен особняк доктора Фрейда. По знаку Фридриха кучер придерживает лошадей. Возле лестницы, ведущей в дом, знакомый нам старик играет на скрипке. Фридрих собирается сойти с коляски, но Шарлотта испуганно хватается за рукав. В этот момент на машине подъезжает группа нацистов со свастикой на рукавах, быстро направляются по лестнице в дом. Последний нацист, заметив старика, возвращается, выхватывает у старика скрипку швыряет на землю, топчет сапогами, пинает футляр с мелочью, взбегает по лестнице. Нацисты, поджидавшие его, хохочут, одобряюще хлопают его по спине... Фридрих пытается вырваться, но Шарлотта показывает глазами на

боковую улицу: по ней строем, размахивая фашистскими флажками и скандируя “Deutsche, wehrt euch, kauft nicht bei Juden! Juden raus! Juden raus!” (“Немцы, сопротивляйтесь, не покупайте у евреев! Евреи вон! Евреи вон!”), марширует большая колонна женщин, направляясь в сторону центральной площади. Ошеломленный, Фридрих машет кучеру, чтобы ехал дальше. Они въезжают на мост – открывается панорама города.

Огромная площадь в центре Вены запружена народом. На трибуне – Гитлер произносит речь. Слов не разобрать, но ясна реакция большей части собравшихся – вскинутые в фашистском приветствии руки, масса вскинутых рук, и это еще страшнее, чем отдельные выкрики фанатиков...

Они останавливаются возле дома, где живет Эльза Хоутерманс. На окнах ее квартиры желтой краской намалеваны Звезда Давида и слово “Juden”. На пороге стоит Эльза – кажется, что она постарела на десять лет. Квартира – после погрома. Разбиты бюсты Гейне, Гёте, Бетховена. Сброшенные со стен картины растоптаны, обезображены, шкафы распахнуты, кругом валяются вещи, бумаги...

Фридрих и Шарлотта помогают Эльзе паковать чемоданы и дорожные сундуки. Маленькая Джиованна тихо сидит со своими игрушками, забившись в угол дивана.

– Дети мои, – растроганно говорит Эльза в минуту передышки, – я не хотела бы, чтобы вы оставались в Германии. На нас надвигается какой-то мрак. Не хочу, чтобы он поглотил вас и нашу девочку. Уезжать! Уезжать! Пока не поздно!

– Два года в Англии, кончился контракт, куда теперь? – расстроено говорит Шарлотта, показывая на Джиованну. – С такой крошкой!

– Пробьемся! Поедем в Харьковский физико-технический институт. Россия строит новый мир, и мы должны помочь ей! – Фридрих, в отличие от Шарлотты, полон энтузиазма, он уверен в себе, в правильности этого решения.

– Это, дети мои, вам решать, – говорит Эльза, – но решать надо быстро! Поверьте, я знаю, что говорю... Я продала дом. Оставляю вам деньги, попытайтесь снова в Англию, в Россию, но лучше ко мне, в Америку. А сейчас – прощаемся! Здесь вам оставаться уже нельзя. Позвоню тотчас, как только устроюсь на новом месте...

Эльза дает Фридриху конверт с деньгами. Эльза обнимает Шарлотту, Джиованну. Носильщики выносят багаж. Пустая, разоренная квартира – символ разрушенной жизни. Жизни, разрушенной самой Историей...

Шарлотта, Фридрих и Джиованна обосновываются в новой квартире, но уже в Харькове! Расставляют на полках книги, застилают кровати. Фридрих подключает радиолу, ставит пластинку. Звучит “Eine Kleine Nachtmusik” Моцарта. Кажется, наконец-то они обрели свой дом и душевное спокойствие.

Однако исподволь происходят события, которые пока что им неизвестны, но имеют к ним самое прямое, притом, роковое отношение.

В кабинете первого секретаря Харьковского обкома партии Мусульбаса заканчивается экстренное заседание. Мусульбас, чем-то похожий на Сталина, наверное, усами, полувоенным френчем, сапогами и мягкими, вкрадчивыми манерами хищного зверя, кивает стенографистке. Та зачитывает только что составленный документ. Члены бюро Обкома напряженно слушают.

“Секретно. Протокол № 91 закрытого заседания бюро Областного комитета КП(б)У от 14 октября 1935 года.

Слушали: Об Украинском физико-техническом институте.

Отметили: Значительную засоренность Украинского физико-технического института классово-враждебными и контрреволюционными элементами.

Постановили: В связи с этим считать необходимым провести чистку института, в связи с чем поставить вопрос перед ЦК КП(б)У и Наркомтяжпромом о выделении специального представителя для участия в проведении очистки института от классово-враждебных элементов.

Секретарь обкома Мусульбас”.

– Есть еще какие-нибудь соображения, товарищи? – спрашивает Мусульбас и после короткой паузы резюмирует: – Соображение одно: засучить рукава и дружно за работу, как учит нас товарищ Сталин!

Огромный лабораторный зал УФТИ – наверное, метров двадцать пять высотой. В центре – новый электростатический генератор Ван-де-Граафа. Лейпунский, Фридрих, Фомин и Фриц Ланге отлаживают этот грандиозный и красивый внешне аппарат для испытаний. Им помогают два лаборанта – регулируют несущую заряд ленту транспортера, укрепляют высоковольтную разрядную трубку с никелированным малым шаром, взбираются по узкой металлической лестнице внутрь большого полого шара диаметром около двух метров, где размещена измерительная аппаратура. Но главное – разрядная трубка, в которой – разгадка тайн материи...

Лейпунский, Фридрих, Фомин и Фриц Ланге придирчиво проверяют все узлы, поднимаются внутрь большого шара, возвращаются к главной установке – ускорительной трубке протонов. Именно здесь, в этой трубке, соединенной с малым шаром, и пойдет главный эксперимент...

Наконец, все готово к испытаниям. Лейпунский, находящийся внутри большого шара, включает установку в работу. На стенах зала зажигаются красные лампы.

Голос Лейпунского: “ВНИМАНИЕ! ВКЛЮЧАЮ ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ! ПРОШУ ВСЕХ ПОКИНУТЬ ЗАЛ! ПОВТОРЯЮ...”

Лаборанты, Фомин и Фриц Ланге уходят. Фридрих, как непослушный ребенок, на цыпочках, крадучись, прячется в дальнем углу зала – ему любопытно увидеть эту грандиозную технику в действии...

Напряжение включено! Нарастающий гул переходит в злое потрескивание. Кажется, будто сам воздух лабораторного зала стал иным, светящимся. Фридрих достает заранее заготовленную ниточку, держит между пальцами, – она в мощном электростатическом поле вытягивается по направлению к сверкающей огромной шаровидной “голове” генератора. Фридрих выпускает ее, и ниточка по прямой уносится к сверкающему шару. В верхних углах зала – фиолетовое свечение, корона...

И в тот же миг зал озаряется вспышкой “молнии” – мощного разряда между большим шаром и малым. Разрядная трубка с разреженным газом вспыхивает как витринная, только намного ярче – голубоватым переливчатым светом... Вспышки “молний”, сотворенных людьми, следуют одна за другой, раскаты грома сливаются в один сплошной рокот. Фридрих завороченно следит за разрядами из своего угла.

От возбуждения он курит одну сигарету за другой, хотя кругом вывешены плакаты “КУРИТЬ В ИСПЫТАТЕЛЬНОМ ЗАЛЕ ЗАПРЕЩАЕТСЯ! ВРЕДНО!!!”

Внутри большого шара Лейпунский по осциллографу следит за ходом испытаний. Кинокамера автоматически ведет съемку процесса. Лейпунский отмечает на ленте “зубцы” – это и есть результаты ядерных реакций в разрядной трубке...

Хоутерманс вдруг замечает невесть как залетевшего в опасное пространство голубя. Птица мечется между молниями, кажется, еще миг, и ее поразит смертоносный разряд. Фридрих выскакивает из угла, рискуя жизнью, перебегает к пульту управления лентой транспортера и отключает ее движение. Разряды прекращаются. Голубь, как бы чувствуя своего спасителя, садится на плечо Фридриха. Фридрих, бережно удерживая голубя в руках, выносит его из зала, выпускает на волю. Голубь улетает, Фридрих счастлив... Эксперимент продолжается, снова гремят разряды молний...

Лейпунский, довольный результатами эксперимента, отключает установку, спускается по внутренней лестнице из шара. К нему подбегает возбужденный Фридрих с сигаретой в зубах. Лейпунский первым делом вынимает у него изо рта дымящуюся сигарету, швыряет на пол, грозит нарушителю, но тут же и обнимает – опыт получился! Гул работающего оборудования мешает им разговаривать, они обмениваются знаками: Лейпунский вскидывает большой палец: все о-кэй! Они дружески обнимаются, жмут руки появившимся Фомину, Фрицу Ланге, лаборантам...

Фридрих и Шарлотта украшают рождественскую ёлку. Джиованна, ей уже годика три, помогает родителям, а маленький Ян ползает по полу, беззубо смеется... Потом все сидят за столиком возле наряженной ёлки, Фридрих, Шарлотта и Джиованна хором поют рождественскую песню:

*Gesegnet sei die Heilige Nacht,
Die uns das Licht der Welt gebracht!..*

*(Благословенна Святая Ночь,
Которая Свет миру приносит...)*

Фридрих дарит Шарлотте и детям подарки, смешит их, изображая то медведя, то слона. Дети катаются на нем верхом в полном восторге от его выдумок...

И когда дети уже спят, Фридрих и Шарлотта, вдвоем за рождественским столом, тихо поют популярную песню на слова Мартина Лютера и на мотив вальса Штрауса:

*Und wer nicht liebt Wein, Weib, Gesang,
Der bleibt ein Narr sein lebenslang, –
Es hat gesagt ein alter Mann,
Der war kein Scharlatan!*

*(И кто не любит вино, женщину, песню,
Тот остаётся глупцом на всю жизнь, –
Так говорил один старикан,
Который не был шарлатан!)*

В далекой Америке, в своем кабинете в Принстоне великий Альберт Эйнштейн, сидя за столом и попыхивая трубкой, с которой он, кажется, никогда не расстается, пишет статью. Пишет, естественно, на родном языке, немецком, но то, что он пишет, как по волшебству, переводится сразу на множество языков мира.

По-русски текст Эйнштейна звучит так:

“...Вполне естественна ненависть к евреям со стороны тех, кто имеет основания бояться широкого развития образования. Больше всего на свете они боятся интеллектуально независимых людей. Я вижу в этом существенную причину диких зверств, чинимых над евреями в сегодняшней Германии. Для нацистов евреи – не просто объект, на который можно направить ненависть людей: они видят в евреях неассимилирующийся элемент, который нельзя склонить к некритическому приятию догм, и именно поэтому – до тех пор, пока евреи существуют, они угрожают их власти, так как настаивают на широком просвещении масс.

Доказательством справедливости этой мысли может служить та пышная церемония сожжения книг, которую устроили нацисты сразу же после захвата власти. Этот акт, бессмысленный с политической точки зрения, может быть понят как спонтанный эмоциональный взрыв. Именно поэтому он разоблачает нацизм сильнее, чем многие другие акции, имеющие большее

значение или практические последствия...” И подпись: *А.Эйнштейн*.

Поставив подпись, Эйнштейн встает, подходит к широкому окну, распахнутому в сад, задумчиво смотрит вдаль... Там, в туманной, расплывчатой дали возникает причудливый пейзаж: горы с белоснежными вершинами, зеленые долины, озеро, водопад, ниспадающий с горной кручи. Там, в Цюрихе, Аарау, Берне навсегда остались те годы, когда он шагнул в свою Бездну к тайнам Мироздания... Чем-то это видение напоминает почти такое же видение, которое видел когда-то юный Хоутерманс на приеме у профессора Фрейда... Эйнштейн в задумчивости берет скрипку, рассеянно проводит смычком по струнам, звучит начало сонаты Моцарта. Эйнштейн откладывает скрипку, спускается на первый этаж, садится к роялю. Импровизирует, звучат мелодии Моцарта, Гайдна, Бетховена – его любимых композиторов... В странной и тревожной оранжировке, вытесняя рояль Эйнштейна, вторгаются мелодии Штрауса, джазовые ритмы гимназического венского “трио” Хоутерманс – Вайсберг – Р.Серкин, Интернационал, Пятая симфония Бетховена и романс “Гори, гори, моя звезда”...

Хоутермансы отмечают день рождения Фридриха. Ему – 33! А заодно и день рождения Льва Ландау, ему – 28. Как сольный номер, звучит русский романс. Поет под гитару Фомин – явно для Шарлотты, к которой, кажется, неравнодушен.

*Гори, гори, моя звезда,
Гори, звезда приветная!
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда...*

Гости растроганы, аплодируют Фомину, он скромно кланяется. Шарлотта с благодарностью обнимает его. Кроме хозяев и Фомина, здесь Лейпунский, Обреимов, Фриц Ланге, Ландау, Лев Шубников и его беременная жена Ольга Трапезникова, Алекс Вайсберг с Евой, Розенкевич, Горский, Бронштейн, Иваненко, Корец, Крутков, лаборанты...

Стол ломится от закусок – тут и традиционные украинские вареники, и фаршированная щука, и бутербродики с воткнутыми палочками, и сыр, и колбасы. Тут и “горилка”, и кагор, и коньяк, и “Советское шампанское”. По всему видно, что гости уже хорошо выпили и закусили, самое время спеть песню...

Затягивает Иваненко, Фомин аккомпанирует на гитаре:

*Нич яка мисячка, зоряна ясна,
видно, хочь голки збирай,
Вийди, кохана, працею зморена,*

хоть на хвильночку в гай...

Потом дружно, в том числе и иностранцы, поют знаменитую:

*Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут...*

Потом Шарлотта ставит пластинку – звучит “Eine Kleine Nachtmusik” Моцарта... Фридрих демонстрирует свой коронный номер: танцует с бутылкой шампанского на голове – все хохочут...

– Друзья! – призывает всех к вниманию Лейпунский. – Мы уже выпили за цифры “28” и “33”, что означает возраст, пардон, не только Христа, но и нашего старшего именинника. Совпадение случайное и – храни его господь – и дальше. Но мы чуть не забыли отметить трудовые достижения номера “33”. А они – велики! Семь печатных работ! По крайней мере, пять открытий, три Нобелевские премии, одна, пардон, моя!

– А вторая – моя! – кричит Лев Ландау.

– Ты еще мальчишка, – смеется Лейпунский. – Или дать за компанию? Ладно, мы не жадные. Дадим Лева Нобеля?

– Дадим! – хором отзываются друзья.

– Итак, друзья, предлагаю тост за будущего Нобелевского лауреата Фридриха Георга Хоутерманса! Да будет так!

– И за меня! – вставляет Ландау.

Все смеются, чокаются, поздравляют и Фридриха, и Ландау, и Лейпунского... (Фридрих Хоутерманс, по сумме научных достижений, конечно, должен был бы получить Нобелевскую премию, но ему страшно не повезло в жизни, и все премии миновали его. Однако это еще не означает, что он чувствовал себя обиженным. Л.Д.Ландау получил Нобелевскую премию в больнице в ноябре 1962 года, увы, после автомобильной катастрофы, после которой он, хотя и прожил еще шесть лет, но работать уже не мог. А.И.Лейпунский дважды удостоивался высоких советских наград: Ленинская премия, 1960; Герой Социалистического Труда, 1963; хотя по вкладу в науку имел все основания получить и Нобелевскую)...

А в далекой Москве проходит очередная партконференция или партийный съезд. Сталин в Президиуме, получив образец новой автоматической винтовки, целится в зал – участники воспринимают это как остроумную шутку Вождя и устраивают ему овацию...

Но, увы, Сталин не шутил. Адская машина репрессий уже давно работала на полную мощность. Надо было лишь задним числом соблюсти бюрократические

формальности. В своем кремлевском кабинете Сталин подписывает очередные секретные документы. Вот только один из многих, касающийся Украины:

“№ 1158/67

Тов. Фриновскому

17 февраля 1938 г.

Выписка из протокола № 58 заседания Политбюро ЦК ВКП(б).

Решение от 17.2.1938 г.

67. – Вопрос НКВД.

Дополнительно разрешить НКВД Украины провести аресты кулацкого и прочего антисоветского элемента и рассмотреть дела их на тройках, увеличив лимит для НКВД УССР на тридцать тысяч.

СЕКРЕТАРЬ ЦК – И.Сталин”.

Алекс и Ева разбужены стуком в дверь. Ева набрасывает халатик, спрашивает, кто там. В ответ – удары в дверь, под напором дверь распахивается – перед Евой сотрудники НКВД.

– Ева Вайсберг? – спрашивает один из них.

– Да.

– Вы арестованы!

– Позвольте, – бормочет растерянная Ева и зовет мужа: – Алекс!

– В чем дело? – спрашивает он, надевая на ходу халат.

– Ваша жена арестована, – говорит начальник группы. – Собирайтесь!

Пока Ева растерянно собирается, хмурые сотрудники проводят обыск. Один из них обращает внимание на чашечки, вазы и картины Евы. Разглядывает узоры на чашечке, карандашом добавляет несколько линий – получается фашистская свастика. Довольный “открытием”, все ее работы бережно складывает в мешок, и Еву уводят...

Алекс и Фридрих идут по спящему институтскому поселку. Звонком в дверь будят Лейпунского. Алекс рассказывает ему об аресте Евы, извиняется, что потревожили. Лейпунский приглашает коллег в дом. В прихожей на столике телефонный аппарат. Лейпунский набирает номер, говорит в трубку:

– Директор физико-технического института Лейпунский. Срочно соедините меня с товарищем Мусульбасом. Неотложное дело.

Тянутся секунды томительного ожидания, наконец, трубка оживает:

– Слушаю вас, товарищ Лейпунский.

– Товарищ Мусульбас, извините, что беспокою так поздно, но дело срочное. Только что арестовали жену нашего ответственного сотрудника Александра Вайсберга. Прошу вас, товарищ Мусульбас, пожалуйста, распорядитесь, чтобы проверили, это какое-то недоразумение, они оба коммунисты, прекрасные, честные люди. И я очень прошу вас...

– Послушайте, товарищ Лейпунский, а вам не кажется, что вы слишком часто вмешиваетесь в наши дела? То этот ваш Корец Моисей Абрамович, мы учли письмо товарища Ландау, отпустили его, теперь эта немка...

– Они из Вены...

– Нам лучше знать, кто они и откуда! И вообще, товарищ директор, советую вам заняться укреплением дисциплины и повышением бдительности в вашем коллективе. Вы, надеюсь, проинформированы о новом статусе вашего института в связи с переходом на оборонную тематику. Ограждение, проходная, система пропусков, спецчасть, введение спецтетрадей, – все это слишком серьезные дела, чтобы относиться к ним шаляй-валяй.

– Товарищ Мусульбас! Да разве мы шаляй-валяй?! Мы очень серьезно...

– Серьезно, да еще очень! А этот ваш немец, как его, Хоутерманс, ведет себя как какой-то клоун: прицепит пропуск булавкой на заднице и так, задницей вперед, и идет через проходную! И Ландау такой же! А эта ваша фифочка Трапезникова пропуск прикрепляет к ошейнику собаки. Это, как, по-вашему, очень серьезно? Смотрите, товарищ Лейпунский, я вас предупредил, и – очень серьезно! Мы еще до вас доберемся...

Территорию УФТИ обносят оградой с колючей проволокой, устанавливают вышки. Рабочие монтируют сигнализацию, тракторы со специальными боронами прокладывают следовую полосу. Инженеры проверяют надежность сигнализации, автоматическое включение прожекторов вдоль запретной зоны...

Шарлотта кормит из ложечки сына, Джиованна играет со своими игрушками – там и куклы, и гномики, и зайцы...

Вваливается, словно пьяный, Хоутерманс с листом бумаги в руках. Он растерян, не решается говорить Шарлотте о случившемся, показывает бумагу.

Шарлотта с ребенком на руках склоняется над текстом.

– Что?! – вскрикивает она, не веря своим глазам. – Уволены?!

Фридрих роняет бумагу, валится в кресло, его сотрясает нервная дрожь.

– А Лейпунский? – допытывается Шарлотта. – Что он сказал?

Фридрих обхватывает руками голову, воеет, и это уже не игра, а нечто ужасное. Шарлотта уносит Яна в кровать. Фридрих раскачивается, сидя в той же позе, кажется, вот-вот он рухнет на пол. Шарлотта трясет его, он скидывает на нее глаза – в них ужас и безумие. Он не может преодолеть дрожь, не может произнести ни слова, лишь странно мычит, еще больше пугая Шарлотту.

Шарлотта хватая пальто, выбегает на улицу. Бежит к коттеджу Лейпунского...

Лейпунский и Шарлотта быстро, стараясь держаться подальше от фонарей, идут к Хоутермансам...

Фридрих похож на помешанного, заматывает лицо полотенцем, чтобы ничего

не видеть и не слышать. Шарлотта сбрасывает с его лица полотенце. Лейпунский садится рядом с ним, трясет за плечи.

– Фридрих, дорогой, ну, возьми себя в руки, выслушай меня, – мягко говорит Лейпунский. – Сейчас я ничего не могу сделать. Ты слышишь меня? Арестованы Ева и Алекс, Валя Фомин выбросился из окна, жив, но арестован, Конрад Вайсельберг, Розенкевич, Горский, Шубников, Крутков – тоже...

– Рушится все... во что верили... Как жить дальше... – сквозь рыдания бормочет Фридрих.

– Завтра я еду в Москву, в Академию наук, – говорит Лейпунский. – Мой вам дружеский совет: уезжайте. Немедленно! Ты, Фридрих, езжай следом за мной. Вот телефоны друзей, они встретят и помогут. Сразу же вызывай Шарлотту с детьми. Оформляйте визу в нейтральную страну, в Данию, к Нильсу Бору. Ехать через Швецию. В Германию вам нельзя. И всё – быстро!

Он дает Шарлотте бумажку, туго свернутую в трубочку. Она прячет ее в карман пальто. Лейпунский встряхивает Фридриха за плечи – тот, кажется, поборол истерическое состояние, смотрит осмысленно, обнимает Лейпунского. Они прощаются. Шарлотта пытается проводить Лейпунского, но он жестом останавливает ее...

Фридрих едет поездом в Москву, там его встречают друзья, везут на такси к себе домой. Шарлотта в нервной спешке готовится к отъезду: пакует вещи, отбирает книги – хочется взять все до единой, но получается слишком много, она берет Шекспира – 25 томов и Рильке – 9 томов. Собирает в дорогу детей – Джиованну и Яна. Через сутки после отъезда Фридриха уезжает и она. На вокзале в Москве ее встречает Фридрих. Они рады встрече, но почему-то в глазах Шарлотты слезы – страх и слезы. Дети взбираются на плечи отца – вот они-то по-настоящему счастливы!

Они на квартире у Капиц. Петр Леонидович в отъезде, гостей принимает Анна Алексеевна. Хоутермансы встречены тепло, у них отдельная комната, дети утомились, уснули тотчас, едва их положили на диван – “валетом”. Взрослые ужинают, обсуждают дальнейшие планы...

– Итак, – подводит итог Фридрих, – завтра с утра еду на таможню, оформлять документы на выезд...

– Только, Фридрих, умоляю, будь осторожен, – говорит Шарлотта, – не спорь с ними, соглашайся, лишь бы выпустили, я очень боюсь!

– Не волнуйся, милая, мы же здесь не просто так, по договору! – пытается успокоить ее Фридрих.

Друзья, а их двое, благодарят Анну Алексеевну, торопливо прощаются, уходят.

Фридрих на таможне, пытается оформить отправку багажа. У него с собой все

документы, в том числе паспорт Шарлотты. Чиновник подозрительно долго и придирчиво рассматривает документы, звонит куда-то, ему что-то отвечают, он откладывает документы Фридриха, указывает на дверь, просит подождать, дескать, пока оформляет документы, посетитель может покурить... Фридрих расхаживает по грязному полутемному помещению таможи, курит одну сигарету за другой... Терпение его кончается, он заглядывает к таможенникам.

– Позвольте позвонить жене, она волнуется, – просит он.

– Это телефон служебный, частные разговоры запрещены, – отвечают ему.

– Но это очень важно для моей семьи, у нас двое маленьких детей!

– Повторяю: телефон служебный, посторонние разговоры запрещены!

– А есть где-нибудь телефон-автомат?

– Нет! И не должно быть! Гражданин, закройте дверь, вас вызовут...

Фридрих устал, растягивается на скамейке, засыпает тревожным сном. Вдруг просыпается, ему почудилось, будто подъехала машина. Он вскакивает, заглядывает к чиновнику – тот не один, трое в форме НКВД изучают документы Фридриха.

– Какие-то проблемы? – спрашивает Фридрих.

– Да, есть небольшие, – говорит один из военных, – подойдите поближе...

Фридрих подходит к военному – тот протягивает руку, якобы для знакомства, но тотчас защелкивает на запястье Фридриха наручники. Двое других берут его за руки и уводят в “воронку”, который стоит во дворе, возле таможи...

Шарлотта с детьми и багажом переезжает от Капиц к друзьям. Чтобы не подвергать риску первую приютившую их семью. Уже светает, а Фридрих все еще не вернулся. Шарлотта измучена бессонной ночью. Звонит по телефону – долгие гудки – никто не берет трубку.

Наконец, появляются друзья Фридриха. Один из них, Фридель, сообщает печальную новость:

– Фридрих арестован...

– За что?! – кричит Шарлотта. – Что мог он такого сделать?! Он – честный, коммунист! Что происходит?! Скажите мне, наконец, что происходит?!

Рыдает. Друзья пытаются ее успокоить. Дети только что проснулись, встревожены. Шарлотта пересиливает себя, начинает заниматься детьми: умывает, расчесывает, готовит им завтрак. Друзья сидят с виноватым видом. Шарлотта умоляет:

– Фридель! Товарищи! Позвоните, когда хоть что-то выяснится. Где он, как с ним связаться? Как получить мой паспорт? Фриц унес все документы! Где он, как мне выбраться отсюда?! Надо же спасти детей! Где Лейпунский? Где Капица?

Фридель пытается утешить ее:

– Шарлотта, возьми себя в руки, мы делаем все, что можем в этой ситуации...

– Он показывает на телефон, прижимает палец к губам. Берет блокнот, ручку,

пишет:

“Удалось взять билеты до Риги. Отправление завтра утром. Лейпунский и Капица не смогут встретиться с тобой. Но они и мы будем делать все, чтобы освободить Фридриха. Они передают деньги, валюту. Их надо надежно спрятать. Подумай, куда. Иначе отбирут на границе. А эти пятьдесят рублей на расходы здесь. Лейпунский давал тебе наш официальный телефон. Не потеряла?”

Шарлотта задумывается, с трудом вспоминает. Бросается к своему пальто, находит в кармане туго свернутую бумажку. Разворачивает – там набор цифр. Показывает Фриделю, он кивает, снова туго сворачивает бумажку, отдает Шарлотте. И вручает ей конверт с деньгами. Шарлотта пытается протестовать, но Фридель снова, жестом, напоминает ей, что разговаривать здесь рискованно. Он жмет руку Шарлотте. Друзья уходят...

Шарлотта вынимает из конверта деньги – французские и швейцарские франки, две купюры по сто франков каждая. Шарлотта думает, куда бы понадежнее их спрятать. Пробует разные варианты, наконец, ее осеняет: в помпоны детских шапочек! Она туго сворачивает купюры, чуть надрезав помпончики, прячет деньги и зашивает места надреза. Затем достает из кармана пальто свернутую в трубочку бумажку с номером телефона Фриделя и много-много раз повторяет про себя номер, пока не выучивает наизусть. Бумажку разрывает и выбрасывает в унитаз, после чего спускает воду...

Снова томительное ожидание возле телефона. Наконец, звонок. Шарлотта хватается трубку.

– Слушаю!

– Удалось узнать, где твой паспорт... – говорит Фридель.

– Где?

– На Лубянке... Окно номер два... Скоро подойдет машина, тебя довезут до Лубянки, там спросишь – во дворе...

– Могу я узнать там о моем муже!

– Не советуем. Возьми паспорт без лишних разговоров. Поняла? Все слишком серьезно. Жди машину...

Шарлотта в черном роскошном лимузине академии наук подъезжает к зданию на Лубянке. Водитель показывает, в какой подъезд ей надо идти. Шарлотта решительно направляется к высокой, тяжелой двери, с трудом открывает. Часовой за дверью спрашивает:

– Куда направляетесь, по какому вопросу?

– Окно номер два, за паспортом.

Часовой пропускает ее. И вот окно № 2. Сотрудник вопросительно смотрит на Шарлотту.

– Меня просили обратиться сюда за паспортом Шарлотты Густавовны Хоутерманс...

– Вы ее сестра?

– Да.

Сотрудник выдает паспорт и закрывает окно. Шарлотта уходит. И только в машине решается развернуть паспорт – её! Без сил откидывается на сиденье...

Наконец-то Шарлотта с детьми и багажом едет поездом “Москва-Рига”. Вагон полупустой. За окном унылый зимний пейзаж Латвии. На каком-то глухом полустанке поезд останавливается. Издали доносится популярная в те годы песня: “Широка страна моя родная...” Пограничники проверяют документы и багаж. Грузный Начальник особо придирчиво изучает документы Шарлотты. Ей велют покинуть вагон – вместе с детьми и багажом. Пограничники выносят багаж на платформу. От кирпичного здания станции гремит песня: “Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...” Поезд отправляется. Песня обрывается на полуслове.

– Почему меня сняли с поезда? Мне надо в Ригу! – возмущается Шарлотта.

– Придется подождать следующего, – холодно отвечает Начальник, – если вам вообще разрешат выехать...

– Что это значит? Когда будет следующий поезд? – спрашивает Шарлотта.

– Завтра утром, – равнодушно отвечает Начальник, и пограничники уходят...

Шарлотта с детьми и багажом на пустынной платформе. Ледяной ветер гонит поземку. Кругом никакого жилья, только станционное здание и еще какой-то домик.

Бросив багаж, Шарлотта бежит с детьми к зданию станции.

Тот же пограничный Начальник в служебном помещении разговаривает с кем-то по телефону. Шарлотта терпеливо ждет. Дети жмутся к печке-голландке, отогреваются. Наконец, Начальник замечает Шарлотту.

– Где ваш муж? – спрашивает он.

– Он еще в Москве. Он хотел выехать, как только сможет, когда закончит дела, – говорит Шарлотта. – Я и мой муж специалисты, приглашенные на работу в Советский Союз. У нас двое детей. Муж и я честно и добросовестно отработали срок контракта и теперь, когда возвращаемся домой, могли бы рассчитывать, если не на благодарность, то хотя бы на человеческое отношение к нашим детям! Посмотрите, они голодные и замерзли! Неужели так поступают советские служащие?! Я требую, чтобы нас немедленно устроили с жильем, а, по крайней мере, дети были накормлены!

– В какой гостинице проживает ваш муж? – допытывается Начальник, словно пропустив мимо ушей горячий протест Шарлотты.

– Я не знаю, поскольку он должен был переехать в одноместный номер, а в какой гостинице ему это удалось после моего отъезда, не знаю.

Начальник задумывается, опять мучительно тянется время.

– Ладно, – решает он, – пока выяснится новый адрес вашего мужа, будете жить в маленьком домике, рядом со станцией. Я дам указание...

Действительно, маленький, хотя и уютный домик железнодорожников.

Вероятно, здесь кто-то ночевал между сменами, а, может быть, кто-то жил. Широкая кровать с высокими подушками, рукомойник, стол, три стула, керосиновая лампа...

Шарлотта перетаскивает вещи с платформы в домик. Связки книг, чемоданы.

Ледяной ветер бьет в лицо, руки мерзнут. Наконец, книги сложены в углу, чемоданы распакованы.

Служащая станции приносит еду – чайник, кружки, хлеб, молоко... Дети и Шарлотта наконец-то сыты, устраиваются на широченной кровати, засыпают...

Фридрих колотит кулаками в железную дверь тюремной камеры. Открывается глазок. Фридрих кричит:

– Я требую, чтобы меня немедленно допросили! На каком основании я арестован?! Я – физик, специалист, работал по контракту. Моя жена и двое маленьких детей ждут меня! Мы должны вернуться домой! Требую!

Глазок закрывается. Фридрих валится на пол. Койка поднята и на замке. В отчаянии он катается по полу, воет, кричит, бьется в истерике...

Над пограничной станцией с Латвией, над зимними полями, редким лесом оглушающе гремит песня “Широка страна моя родная...” Шарлотта с детьми выходят на платформу. Багаж стоит здесь еще со вчерашнего вечера. Подъезжает поезд из Москвы. Начальник и погранчники насильно уводят Шарлотту и детей с платформы в здание.

– Вы же сказали, что сегодня мы сможем уехать в Ригу! – возмущается Шарлотта.

– Я этого не говорил, – отвечает Начальник и невозмутимо продолжает вчерашний допрос. – Где ваш муж?

– Вчера я вам уже все объяснила, – отвечает Шарлотта.

– В вашем паспорте нет фотографий ваших детей. Это ваши дети?

– А чьи же?!

– А как вы докажете, что это ваши дети, а не чьи-то русские? – явно издеваясь, спрашивает Начальник. – Докажите!

– Мамочка! Не оставляй нас! – кричит, вся в слезах, понимавшая по-русски Джиованна и прижимается к матери. За ней торопится к Шарлотте и маленький Ян.

– Какие еще доказательства вам нужны! – в ярости кричит Шарлотта.

– Ладно, – соглашается Начальник. – Но почему в паспорте нет фотографий ваших детей?

– Согласно международным законам дети вписываются в паспорт матери без фотографий, – объясняет Шарлотта.

– Положим, так. Но объясните, где ваш муж? Мы запрашивали все гостиницы, его нигде нет, – Начальник вдруг прикладывает руки к груди. – Мадам, я действую по инструкции! Если вы скажете адрес вашего мужа, мы вас

выпустим...

– Но, поймите, откуда я могу знать, где устроился мой муж? Если его нет в гостиницах, значит, у кого-нибудь из своих друзей...

– Каких друзей? Фамилии, телефоны, адреса, – настаивает Начальник.

Шарлотта лишь пожимает плечами, она предельно устала. Из динамика снова раздаётся “Широка страна моя родная...” Поезд отъезжает в сторону Риги...

Хоутерманса перевозят из Московской тюрьмы сначала в Харьковскую, потом в Киевскую, снова в Харьковскую и, наконец, в Бутырки. Мотание по тюрьмам, допросы, пытки, издевательства продолжаются почти три года.

На столе перед следователем казенная папка –

“Дело № 15844 по обвинению Гоутерманса Фридриха Оттовича, 1903 г.р., еврей, германский подданный, в государственном преступлении ст.ст. 54-б, 54-9, 54-10, 54-11 УК УССР. Начальник 1 отделения 3 отдела Управления Государственной Безопасности Харьковского Областного Управления Дрешер нашел, что произведенными следственными действиями установлено, что он, являясь агентом Гестапо, проводил шпионско-диверсионную и вредительскую работу на территории СССР.

На основании ст. 126 Уголовно-процессуального кодекса и руководствуясь ст. 127 УПК УССР постановил привлечь гражданина Гоутерманса Фридриха Оттовича в качестве обвиняемого”...

Охранник вводит Фридриха в комнату следователя. Фридрих останавливается напротив стола, следователь жестом предлагает ему сесть.

Фридрих садится. На круглых часах – 20-00.

– Кто привлек вас в контрреволюционную организацию? – бесстрастным голосом спрашивает следователь, рыжеватый крепыш с голубыми глазами.

Фридрих пожимает плечами. Следователь выжидает, хлопает ладонью по столу, орет:

– Встать!

Фридрих встает. Следователь повторяет вопрос:

– Кто привлек вас в контрреволюционную организацию? Отвечайте!

– Я не понимаю, о какой организации вы говорите...

Вот как описывает этот допрос сам Хоутерманс:

“...Вечером 11 января начался продолжавшийся 11 дней непрерывный допрос, с пятичасовым перерывом в первый день и двухчасовым – в последующие. Никаких конкретных обвинений против меня не выдвигалось... Мне было предложено представить все “факты”. Задавались только два вопроса: “Кто привлек вас в контрреволюционную организацию?” и “Кого вы сами в нее привлекли?”. Меня по очереди допрашивали три следователя, по 8 часов каждый. Первые два дня разрешали сидеть на стуле, позднее – только на

краешке стула, а начиная с четвертого дня, я должен был весь день стоять. Меня будили всякий раз, когда я забывался, а когда падал, теряя сознание от бессонницы, меня поднимали, плескали в лицо холодной водой. Фамилия старшего следователя, который вел допрос, была Погребной. Поздно вечером 22 января Погребной показал мне ордер на арест моей жены и другой ордер – на направление моих детей в детский дом под чужими фамилиями, чтобы я потом никогда не смог бы их разыскать...”

Фридрих подписывает нужные следователям показания. Его, измученного, волоком утаскивают в его камеру. Сокамерник помогает ему лечь на койку. Фридрих стонет, жестом просит снять ботинки, но ноги от долгого стояния так распухли, что ботинки приходится разрывать на части... (Товарищ по камере – Константин Федосеевич Штепа, профессор Киевского университета, историк, был арестован примерно в одно и то же время с Хоутермансом. Его преследовали на Украине в печати за “ошибочную” трактовку образа Жанны д’Арк и неуместное упоминание мифа о царе Мидасе, усмотрев в этом некие параллели с советской действительностью). Штепа заботится о полуживом Хоутермансе, делится с ним продуктами, которые изредка получает в виде передач от семьи. Оба проникаются друг к другу доверием и решают, что, если кому-нибудь из них повезет и он останется жив, то обязательно напишет о тех мытарствах, которые выпало им перенести в советских тюрьмах.

Фридриха в этот трагический период его жизни спасает еще и математика: его мозг упорно работает, он видит перед собой грифельную доску, испещренную математическими формулами, он погружается в мир математики...

Мучительно тянется конец 1937 года для Шарлотты и ее двух малышек. Снова, как изошренная пытка, гремит песня “Широка страна моя родная...” Шарлотта с детьми пытается перетаскивать багаж на платформу, ведь вот-вот подойдет поезд на Ригу... Появляется Начальник, преграждает Шарлотте дорогу к выходу.

– Послушайте, мы уже десятый день здесь! Сколько вы будете еще издеваться надо мной и моими детьми! Я требую, чтобы меня срочно соединили с вашим начальником! Я буду писать на вас жалобу! – срывается на крик Шарлотта.

Дети, испуганные, измученные, жмутся к ней, плачут.

– Ладно, – смягчается Начальник, – у вас есть в Москве кто-нибудь, кто смог бы поручиться за вас. У вас есть хоть какой-нибудь телефон?

– 2408159, – по памяти называет Шарлотта.

Начальник записывает номер и уходит в служебное помещение. Сквозь застекленную дверь видно, как он звонит по допотопному телефону в Москву. Наконец, связь есть, он разговаривает с кем-то, записывает что-то в свой блокнот и, выйдя из помещения, разрешает Шарлотте выехать прибывшим поездом. Она перетаскивает книги и чемоданы в ближайший вагон, впихивает

детей, взбирается сама и, обессиленная, валится в проходе вагона... Поезд трогается, снова гремит “Широка страна моя родная...”, нарастающий стук колес, гудки паровоза заглушают песню...

В холле рижского дешевого отеля Шарлотта и дети ждут своей дальнейшей участи. Вещи их стоят в углу возле входа. Портье изучает паспорт Шарлотты. Она вся напряжена, ей всюду видится подвох и кажется, что снова ее с детьми отправят обратно в Россию.

– Госпожа Хоутерманс, у вас, как минимум, две проблемы, – говорит портье вполне доброжелательно. – Во-первых, через два дня кончается срок действия вашего паспорта. Во-вторых, виза для дальнейшего следования – через Тильзит, а не через Ригу...

– Мы так торопились... – бормочет Шарлотта. – Мы же из Москвы... бежим, – рискованно заканчивает она.

– Москва?! – восклицает портье. – Там Сталин – этот убийца! Представляю, как вы там намучались...

Он снимает с доски ключ от номера, вручает Шарлотте и помогает перенести вещи. Шарлотта не верит, что хотя бы на сутки получает передышку. Дети валяются в кровать, она – тоже... Но расслабляться нельзя. Шарлотта прихорашивается перед зеркалом, распарывает помпончики на шапочках детей, извлекает купюры и, пока дети спят, снова спускается к портье.

– Хочу с вами посоветоваться, – улыбаясь, говорит она, – вы так любезны, наконец-то можно поговорить по-человечески...

Портье привычно кланяется.

– Слушаю вас, госпожа Хоутерманс. Как это по-русски, помогу, чем смогу!

Оба смеются.

– Дело в том, что мой муж и я с детьми должны перебраться в Данию, к месту будущей работы моего мужа. В спешке мы не подумали, что надо было сделать другую визу... Не через Тильзит, а через Ригу, чтобы, скажем, через Швецию, попасть в Копенгаген. Что бы вы могли посоветовать?

– Боюсь, госпожа Хоутерманс, что вам придется обратиться в Германское консульство. Оно здесь недалеко, могу вас проводить...

– Ну, что вы, что вы, я и так весьма признательна вам! А не смогли бы вы поменять мне сто французских франков на латышские деньги?

– О, мадам, без проблем!

Шарлотта подает ему купюру, портье тотчас меняет ей деньги.

– Благодарю вас. Иду в Консульство! – чуть игриво говорит Шарлотта. В ней снова, несмотря на испытания, пробудился ее природный шарм, и портье с интересом провожает ее искрящимся взглядом...

Шарлотта добивается приема у консула, сухощавого, желчного человека с типичным зачесом и усиками “под фюрера”. Приема без предварительной

записи и без очереди! Для немцев это нарушение порядка. Но посетители, сидящие на казенных лавках, видя расстроенную фразу и двух детей, пропускают ее.

– Ваш паспорт оформлен через Ригу, это неправильно, – холодно цедит консул, – вы должны были оформить паспорт через Тильзит.

– Но, поймите, господин консул, я не могла иначе оформить мой паспорт. К тому же, я жду деньги из Швеции именно в Ригу, с тем, чтобы потом ехать в Копенгаген, – горячо говорит Шарлотта.

– Ваш гражданский долг – следовать в Германию как можно скорее – через Тильзит. Там обратиться к официальным представителям, занимающимся реэмиграцией, и ехать в Берлин. К тому же, нет никакой необходимости ждать денег из Швеции, по приезде в Тильзит вам дадут билеты и пищу. А как только вы появитесь в Берлине, вам надлежит явиться на Александерплатц, в Полицейское управление, гестапо, и вы получите все необходимое, – механически произносит консул.

Шарлотта выходит из здания Консульства, торопится уйти от этого места...

“Когда я покинула консульство, я сказала себе, что ни при каких условиях не поеду в Германию... Мои надежды на помощь немцев рухнули, и теперь я знаю, что Третий Рейх не менее опасен для меня, чем Советский Союз”...

Шарлотта возвращается в отель. Портье интересуется ее делами, Шарлотта лишь печально разводит руками:

– Они требуют, чтобы яехала через Тильзит, но это не входит в наши планы. Что делать? Я просто в отчаянии...

– Позвольте, если вы собираетесь в Копенгаген, то, возможно, у вас есть там друзья, знакомые, которым вы смогли бы дать телеграмму, – советует портье.

– А это возможно? Прямо от вас?

– Разумеется! Пишите текст, адрес, и я тотчас отправлю!

Шарлотта пишет на бланке текст телеграммы на имя Нильса Бора:

“Уважаемый Нильс Бор! Мой муж, известный Вам физик Фридрих Хоутерманс арестован в Москве. Я с двумя детьми в Риге, прошу Вашей помощи перебраться в Копенгаген. Шарлотта”.

Портье уносит бланк в служебное отделение и через минуту возвращается с квитанцией. Шарлотта рассчитывается, благодарит:

– Вы – мой добрый ангел! Я вам очень благодарна! Если Вам будет не трудно, сообщите мне сразу, как только придет ответ...

Портье любезно обещает. Шарлотта поднимается в свой номер. Дети спят, она из последних сил стягивает с себя одежду, падает на кровать...

Рано утром портье вручает Шарлотте телеграмму из Копенгагена. Шарлотта открывает телеграмму, читает, со слезами радости прижимает ее к груди... Всего три фразы: “Встретьтесь с датским послом по вопросу о визе. Деньги будут высланы вам через Стокгольм. Не отчаивайтесь. Нильс Бор”. Телеграмма от самого Нильса Бора – это уже спасение!

Каботажное судно отправляется из Риги в Копенгаген. На борт загружаются немногочисленные пассажиры – немецкие цирковые акробаты, путешествующие из страны в страну, и Шарлотта с двумя детьми и багажом.

Судно пересекает бурное в этот период Балтийское море, заходит в порты Финляндии, Швеции, наконец, пришвартовывается к причальной стенке в Копенгагене. Мягкая датская зима, все искрится от свежеевыпавшего снега.

Шарлотту встречают друзья Фридриха, помощники Нильса Бора – с цветами, тепло, как истинные друзья!

Шарлотта в роскошном отеле. Но дети то и дело спрашивают “А где папа?”, и то, что Шарлотта отвечает уклончиво “Папа скоро приедет...”, их огорчает...

Следователь киевской тюрьмы показывает Фридриху письмо Шарлотты из Копенгагена. Он потрясен, не верит своим глазам.

– Значит, вы мне лгали! Заставили подписать под давлением! Я отказываюсь от всех своих прежних показаний. Я ни в чем не виновен! И те люди, против которых я давал “показания”, тоже ни в чем невиновны! Я требую бумагу и ручку! Буду писать протест!

Фридриха избивают, ему выбивают все зубы, потом в наручниках, отводят в подземную глухую, без света камеру, толкают в спину, он падает на каменный пол. Дверь закрывается, лязгают затворы, он оказывается в полной темноте...

Борьба за освобождение Хоутерманса началась сразу, как только его уволили из УФТИ. Физики, причем очень крупные ученые, такие, как В.Паули, Д.Франк, Нильс Бор, П.Блэккет, Макс фон Лауэ, супруги Фредерик и Ирэн Жолио-Кюри, Ж.Перрен хорошо понимали, физиком какого масштаба был Хоутерманс, и предприняли, казалось им, весьма эффективные шаги по его защите. Увы, речь шла не столько о защите, сколько о спасении его жизни! Этого в те черные годы не понимали ни родные Хоутерманса, ни его друзья-физики. В условиях западной, мягкой демократии они не могли даже предположить, что в стране, которая строит “новый мир”, возможны такие же средневековые методы расправы с противниками и вообще с “подозрительными элементами”, какими пользовались нацисты в Германии. И тем не менее, они действовали. Мать Хоутерманса Эльза через Д.Франка обратилась за помощью к Эйнштейну – тот, разумеется, согласился помочь, как помогал всем, кто к нему обращался. Не отказался он помочь и Алексу Вайссбергу, арестованному раньше Хоутерманса. Вот эти письма.

*“Господину Трояновскому, Послу СССР
Вашингтон, Округ Колумбия
5 января 1938 г.
Глубокоуважаемый г-н Посол!*

Физик доктор Фриц Хоутерманс, германский подданный, последние годы, работавший в России, некоторое время тому назад неожиданно был арестован – после того, как его уволили, а затем категорически отказали в выезде из России. От имени его встревоженной матери, г-жи Эльзы Хоутерманс, я убедительно прошу Вас сделать все от Вас зависящее, чтобы доктор Хоутерманс был выпущен из России. Его коллеги по прежней работе, профессор Джеймс Франк из Университета Джона Гопкинса в Балтиморе и профессор Нильс Бор из Копенгагена, выразили готовность ходатайствовать о нем. Это свое письмо я сначала направил г-же Хоутерманс, чтобы она добавила к нему необходимые Вам данные о своем сыне.

*С глубоким уважением
Профессор А. Эйнштейн”...*

*“Господину Иосифу Сталину,
Москва, СССР
18 мая 1938 г.*

Глубокоуважаемый господин Сталин,

За последнее время мне стали известны несколько случаев, когда ученые, приглашенные на работу в Россию, обвиняются там в тяжких проступках – речь идет о людях, которые в человеческом плане пользуются полным доверием у своих коллег за границей. Я понимаю, что в кризисные и беспокойные времена случается так, что подозрение может пасть на невинных и достойных людей. Но я убежден в том, что как с общечеловеческой точки зрения, так и в интересах успешного развития строительства новой России чрезвычайно важно, чтобы по отношению к людям редкостных способностей и редкостных же творческих сил обращались с исключительной осторожностью.

В этом плане я очень прошу Вас обратить внимание на дело, возбужденное против доктора Александра Вайссберга (Харьков). Господин Вайссберг – австрийский подданный, инженер-физик, работавший в Украинском Физико-техническом институте в Харькове. Очень прошу о том, чтобы в его случае был учтен отзыв о деятельности Вайссберга профессора Мартина Руэманна, руководителя лаборатории низких температур, который был передан в Наркомтяжпром весной 1937 г.

*С глубоким уважением
Профессор Альберт Эйнштейн”...*

*“Париж 15 июня 1938 г.
Господину Генеральному Прокурору СССР
Господин Генеральный Прокурор!*

Подписавшие, друзья Советского Союза, считают своим долгом довести до Вашего сведения следующие факты.

Заключение двух видных иностранных физиков, д-ра Фридриха Хоутерманса, арестованного 1 декабря 1937 года в Москве, и д-ра Александра Вайссберга, арестованного 1 марта того же года в Харькове, вызвало большое недоумение в научных кругах Европы и Соединенных Штатов. Имена г.г. Хоутерманса и Вайссберга широко известны в этих кругах, есть опасение, что их длительное заключение есть ни что иное, как новая политическая кампания, одна из тех кампания, которые, в это последнее время, нанесли тяжелый удар по престижу социализма и сотрудничеству СССР с великими демократиями Запада. Это тем более тяжело для тех людей науки, друзей СССР, которые всегда стремились защищать Советский Союз от нападок его противников. Не получая до сегодняшнего дня никаких новостей от советских властей о ситуации с г.г. Хоутермансом и Вайссбергом, несмотря на значительное время, прошедшее со дня их ареста, нельзя понять подобные меры...

Единственным официальным сообщением о причинах ареста г. Вайссберга было послание советских властей в марте 1937 года в посольство Австрии в Москве, в котором г. Вайссберг обвинялся в шпионаже в пользу Германии и в подготовке вооруженного восстания на Украине. Что касается г. Хоутерманса, не последовало никакого официального сообщения...

Политическое значение этого дела заставляет нас направить копию этого письма г. Сталину по дипломатическим каналам и мы представляем копию и в Посольство СССР в Париже...

*Ирен Жолио-Кюри, Жан Перрен, Фредерик Жолио-Кюри,
Нобелевский лауреат. Нобелевский лауреат. Нобелевский лауреат”.*

С пронзительной скорбью читаются сегодня строки письма Шарлотты Хоутерманс одному из главных организаторов террора (после Ежова) Берии.

“Наркомвнудел БЕРИЯ Москва

Как жена д-ра Фр. Хоутерманса, физика из Украинского физико-технического института, я взываю к Вашему великодушию предоставить мне сведения о моем муже... Я очень беспокоюсь за его судьбу. Мой муж хорошо известен в научных кругах во всех странах... Мой муж и я всегда были благодарны за гостеприимство по отношению к нам в СССР и особенно за возможность научной работы для моего мужа. Пожалуйста, дайте какую-нибудь информацию о нем и о состоянии его здоровья. Я уверена, что в его случае будет соблюдена справедливость и буду очень благодарна за любые усилия по его освобождению, которого я, мои дети и его престарелая мать ждем со дня на день.

*С благодарностью
Шарлотта Хоутерманс,
Отправлено 12.02.39 в 7 час. утра”.*

Ни на одно из писем никакого ответа не последовало. Точнее, ответ был, но в такой чудовищной форме, что, наверное, все порядочные сторонники СССР с ужасом отвернулись от “первой в мире страны Советов”. Это была позорная и трусливая сделка диктатора Сталина с диктатором Гитлером. История шагала по судьбам людей...

Молотов и Риббентроп подписывают так называемый “Пакт о ненападении”.

Дата – 23 августа 1939 года. Дипломаты жмут друг другу руки. Фотографии Сталина и – напротив – Гитлера. Оба смотрят с хитрым прищуром: кто кого “переиграет”...

Вот как оценил эту сделку видный французский историк-антифашист, участник движения Сопротивления Жак Деларю в своей книге “История гестапо”:

“Когда преступления, ежедневно совершаемые в Германии, были уже общеизвестны, ни одна “цивилизованная” страна ни на минуту не задумалась о необходимости порвать с убийцами. С неизменной учтивостью послы продолжали пожимать руки, обогранные кровью невинных, давать торжественные обеды в честь палачей. Заключались новые торговые соглашения, Франция пригласила фашистскую Германию участвовать во Всемирной выставке 1937 года; и, наконец, увенчанием этого здания трусости явился договор 1939 года, подписанный Советским Союзом с теми, кто погубил под пытками тысячи коммунистов, а десятки тысяч бросил в лагерь...”

Книга Алекса Вайссберга “Обвиняемый”, изданная во многих странах мира, увы, до сих пор не переведена на русский. Не переведена на русский и книга К.Штепы и Ф.Хоутерманса “Русская чистка”, которую они написали вдвоем в Геттингене, случайно встретившись там после окончания войны. Украинский ученый, один из ведущих физиков УФТИ, профессор Ю.Н.Ранюк перевел книгу Штепы и Хоутерманса с английского на украинский, и книга на украинском была издана Харьковской правозащитной группой в 2000-м году (издательство “ФОЛЮ”).

Мы располагаем переводом лишь фрагментов книги Алекса Вайссберга “Обвиняемый”, но они дадут представление об условиях жизни и Фридриха Хоутерманса в последние дни пребывания в СССР, ибо судьбы их очень похожи: одни и те же тюрьмы, одни и те же следователи, одни и те же методы выбивания нужных для НКВД показаний. Кроме того, книга содержит уникальный документальный материал о немецких антифашистах, попавших в советское “чистилище”. (Перевод с английского Б.Дьякова и В.Френкеля).

Через некоторое время после отправки писем западных ученых Сталину, послу Трояновскому и другим советским руководителям Вайссберга вызвали из камеры, где он “доходил”, побрили, подстригли, выдали приличный костюм и галстук и в таком приукрашенном состоянии сфотографировали. Затем у него все отобрали, а самого вернули в камеру. “Органы”, очевидно, хотели показать,

что он жив и здоров, и только.

“<...> Заключенные в бутырской камере преследовались обеими репрессивными системами. Они находились еще под властью ГПУ (НКВД – Авт.), но теперь должны были опасаться и Гестапо. Неосторожное слово могло вызвать гнев сталинского аппарата. А через несколько недель за еще одно неосторожное слово пришлось бы отвечать в Гестапо. В камере могли быть шпионы ГПУ – так же как и будущие шпионы Гестапо, которые захотели бы заслужить благосклонность наци, предав своих товарищей при первой же возможности. В этих обстоятельствах было весьма опасно вообще открывать рот...

Когда я проснулся, то не поверил своим глазам, несмотря на все предупреждения накануне вечером. Я увидел тележку, которой пользуются в добропорядочных домах, подавая вечерний чай. Ее полочки были уставлены вкусными вещами. Каждый из нас получил белый хлеб, два яйца, масло, ветчину и какао.

“Как вы думаете, почему они стали так с нами обращаться?” – спросил я Альбрехта, нашего старосту.

“Чтобы мы лучше выглядели. Они не хотели бы передавать скелеты; это было бы слишком не презентабельно”.

“Сколько времени нас продержат?”

“Кое-кто здесь уже больше месяца. Две группы уже были отправлены, но никто не хотел бы торопить события. Слишком хорошо здесь кормят”.

Я хотел бы выйти отсюда сегодня, а не завтра, если бы меня отправляли, например, в Швецию, а не в Германию, подумал я. Я еще не был уверен, что меня выдадут Германии. Я не был в Европе уже много лет и не имел ни малейшего представления, насколько свободно можно было передвигаться по Европе при Гитлере. Обычно, когда иностранцев высылали, они имели право выбрать страну. Существовала практика экстрадиции ИЗ страны, но не обязательно в конкретную страну, с отличием, конечно, в процедуре. Я выдвинул свои соображения по международному праву в разговоре с соседями, но они не произвели впечатления. Мне сказали, что не стоит беспокоиться по таким пустякам, и оказались правы...

Мы знали некоторых из заключенных женщин, среди которых были Зензь Мюзам, вдова немецкого поэта-анархиста Эриха Мюзама; Карола Неер, знаменитая немецкая актриса; Грета Бубер, вдова одного из лидеров германской компартии Хейнца Неймана. Я очень уважал и восхищался Эрихом Мюзамом. Когда Гитлер пришел к власти, поэта арестовали и долго держали в тюрьме. Там, согласно официальному сообщению, он был найден мертвым, висевшим на решетке окна. Действительно ли это было самоубийство, чтобы избежать пыток, или наци убили его, мы, вероятно, никогда не узнаем. Для них сам Мюзам, чувственный и рафинированный лирический поэт, был как красная тряпка для быка. Он воспевал героя, не совместимого с их идеалом. После его

смерти Зензль уехала в Москву, где стала известна в немецких эмигрантских кругах как женщина, которая не собирается держать язык за зубами. И уже в 1936 году это привело к ее первому аресту.

Я всегда восхищался Каролой Неер, красивой женщиной и прекрасной актрисой, еще в те дни, когда она блистала в театре на Шиффбауэрдам. Повидимому, она не имела отношения к социалистическому движению и всегда вращалась в буржуазных кругах. Поэтому я был весьма удивлен, когда встретил ее в Москве в 1934 году. 1932 год был последним годом Веймарской республики, и интеллигенция в немецком обществе тогда была весьма обеспокоена. Германия находилась в кризисе, который не мог разрешиться иначе, как приходом к власти фашистов или коммунистов. Именно тогда влияние коммунистов среди немецкой интеллигенции сильно возросло. Карола Неер, всеми ценимая ведущая звезда, была среди тех, кто сделал социалистический выбор.

Она не ждала комфорта и благосостояния в Советском Союзе, но отчуждение, с которым столкнулась в Москве, оказалось за пределами ее представлений. Она работала с Эрихом Ваннерхаймом в его фильме о процессе Димитрова. И вдруг весной 1936 года ее арестовали. Это оказалось для нее страшнейшим ударом, а для нас – совершеннейшим абсурдом. Она никогда не участвовала в политической жизни и не имела реального представления, что же творится вокруг нее. Если бы ее спросили о руководителях оппозиции, вряд ли она поняла, о ком идет речь. Она получила десять лет и содержалась в изоляторе, где почти голодала и переболела тифом. Несмотря на все то, что она пережила, она сохранила очарование и привлекательность. Ее несчастья сильно меня тронули. Насколько же жестоким и бесчеловечным оказалось советское государство! Она была молодой и красивой женщиной, которая могла все взять от жизни, но отказалась от этого ради идеи нового и лучшего общества, идеи, которую вряд ли хорошо себе представляла – и эта ее жертва привела ее в советскую тюрьму.

Одного за другим нас вызывали на последний допрос тройки офицеров ГПУ, которых немецкие заключенные называли “Три магама”. Некоторым было сделано предложение стать шпионами ГПУ... Заключенные в нашей камере были, в основном, немецкими коммунистами-рабочими. Но некоторые занимали весьма высокое положение в партии. Насколько я могу вспомнить сейчас, был только один, кого можно было бы отнести к интеллигенции, как и меня. Звали его Петерманн, и он работал в Коминтерне. Он был умен, речист и бесхарактерен. Из разговоров с ним стало ясно, что он готов встать на сторону нацистов. Я не защищаю того, что происходило в Советском Союзе, и я ненавижу сталинский режим, но я защищал то, что считал социалистической основой государства. В конце концов, способ производства и распределения был социалистическим, а, как марксист, я еще следовал старым формулам. Для меня экономический базис общества был не пустым звуком;

политическая надстройка – по тогдашнему жаргону – рано или поздно должна была стать соответствующей этому базису. Социалистическая экономика, в конце концов, уничтожит деспотическую диктатуру одного человека, и тогда социалистическое общество восстанет как феникс из пепла.

Я был неправ, но, несмотря на мое знакомство с советскими тюрьмами, потребовалось еще пять лет, чтобы понять это. Однако не это было предметом моих споров с Петерманном. Он мысленно примирился с Гитлером и теперь пытался подвести под это основу.

“Бухарин говорил об организованном капитализме, – напомнил он мне. – Возможно, национал-социализм это такая форма, которая расчистит путь к социализму. Мы должны отложить нашу дискуссию до тех пор, пока не ознакомимся с ним поближе”.

“Как только мы окажемся в Германии, вы уже не снизойдете до дискуссии со мной”, – сухо отвечал я ему.

“О, я не знаю, – весело сказал он. – Это зависит от многих вещей. Не так-то просто понять, как решится еврейский вопрос. Но в любом случае личность не имеет права противопоставлять себя государству”.

Эта ремарка должна была послужить мне предупреждением держать рот на замке. Какое-либо развитие дискуссии было опасным – не здесь, а в Германии. Я же пренебрегал опасностью. Мне, по крайней мере, сейчас казалось, что коммунисты еще не опустились до того, чтобы предавать товарищей. Мой спор с Петерманном становился все более острым, пока не вмешался Альбрехт.

“Эй, вы двое, не устраивайте здесь шума; никто не может знать, не подслушивают ли нас”.

Я не знаю, предупредил ли он нас насчет нынешнего ГПУ или завтрашнего Гестапо, но я прекратил дискуссию.

Эти дискуссии всегда оканчивались подобным же образом. Они начинались между некоторыми заключенными и, когда достигали накала, прекращались, так как участники боялись их продолжать. Те, кто хотел бы здесь предстать антисоветчиками, рисковали вызвать немедленное неудовольствие ГПУ. Могло случиться, что русские передумали бы – как это часто случалось без всяких причин – и остановили бы весь процесс или, по крайней мере, задержали бы антисоветские элементы как слишком для себя опасные. Многие рабочие в камере вели себя умнее, чем я: они молчали.

Большинство из них были настоящими приверженцами социализма, и большинство оставались таковыми. Они стали врагами ГПУ и ненавидели Сталина, но не социализм. Они возвращались в лоно социал-демократии. Диктатура пролетариата привела к личной диктатуре и византийскому культу, который оскорблял чувства свободных людей. Он привел к уничтожению старой гвардии революции, унижению революции, жестокой эксплуатации большинства меньшинством, физическому уничтожению и

порабощению девяти миллионов людей. (А.И.Солженицын в своем “Архипелаге” дает цифры 55–66 миллионов – Авт.). Эти немецкие рабочие не хотели иметь ничего общего с так называемой диктатурой пролетариата, но их не оставили гуманистические идеи Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Они хотели социализма, но и свободы, прежде всего.

Я с нетерпением ожидал встречи с “Тремя магами”, но ждал напрасно. Было ясно, что их задачей была вербовка агентов ГПУ. Казалось, только сумасшедшему пришла бы в голову идея заниматься этим среди людей, годами аккумулировавшими ненависть к ГПУ...

На рождество 1940 года соседняя с нами камера опустела – все ее обитатели были отправлены в Германию (в одной из первых партий был отправлен и Хоутерманс – Авт.)...

Я был сыт по горло тоталитаризмом, чтобы менять один его вид на другой. Поэтому я намеревался самым решительным образом выразить свой протест “Трем магам” и потребовать доставить меня к финской границе или к пароходу, отправлявшемуся в Швецию. Однако Тройка не удостоила меня вниманием. Возможно, они считали меня неподходящим кандидатом для вербовки хотя бы из-за моего еврейского происхождения.

31 декабря 1939 года нас разбудили в шесть утра и приказали собраться (“С вещами!”). Сбор был в умывальне, располагавшейся в подвале. Подвалы Бутырок являли фантастическое зрелище подземных казематов с потолками на колоннах, катакомб, высеченных в камне, где размещались раковины с кранами и душевые, в изобилии снабжаемые горячей водой. В течение двух часов мы наслаждались водой, мылом и чистыми полотенцами, а в это время наши вещи были вычищены и продезинфицированы. Когда мы снова оделись, нас провели по бесконечным коридорам и помещениям в другую часть тюрьмы, где нас ожидал парикмахер. Он работал усердно и с невероятной виртуозностью побрил тридцать шесть человек за три часа. Когда нас подготовили таким образом, то собрали вместе с другой партией депортируемых и повели в кладовую, где предложили выбрать все, что нам подойдет из огромной кипы одежды. Поскольку у меня была приличная одежда, мне почти ничего не понадобилось, но другие этим воспользовались. Когда наш туалет закончился, нас провели в помещение, где мы ожидали еще несколько часов... Поздно вечером нас стали выкликать в алфавитном порядке. Спустя некоторое время заключенные возвращались за вещами. “Они показали нам бумагу с решением ОСО (Особое Совецание – Авт.) о высылке. Мы должны были подписать ее. Нас отправляют в Германию уже вечером”, – сообщали те, кого допрашивали. У меня упало сердце: итак, снова Германия. Я понял, что в глубине души не был готов к тому, что нас выдадут Гестапо...

Мы ехали из Советского Союза в разрушенную Польшу через Брест-Литовск.

С той стороны моста через Буг нас ждали представители другого тоталитарного государства – Гестапо...”

Следует добавить, что Александру Семеновичу Вайссбергу (так называли его коллеги в Харькове – Авт.) удалось бежать во время многочисленных перевозок по горячей Польше до Краковского гетто, куда он был приписан после Буга. Он был включен в первый список 50 евреев-интеллигентов на уничтожение. Скрываясь, он менял места своего обитания, пока не оказался в Варшаве, где вступил в партизанский отряд, которым руководила польская графиня Цыбульская, ставшая его женой.

Однако во время одной операции она была схвачена эсэсовцами и замучена. Вайссберг в знак уважения и благодарности к этой героической женщине присоединил ее фамилию к своей. В годы войны Вайссберг сражался в Польше и во Франции (в отрядах маки). После окончания войны переехал в Швецию, пытался заниматься коммерцией – без особого успеха. Умер в Париже от сердечного приступа в 1964 году. “...Меня буквально потрясло полное соответствие того, что писал в своей книге “Обвиняемый” Вайссберг, с тем, что я увидел в его деле: он почти безошибочно воспроизвел содержание допросов – и того, о чем спрашивали, и того, как мужественно он на эти вопросы отвечал! По всему видно, это был честнейший и благороднейший человек, преданный идеалам своей молодости и своим друзьям”, – отмечал В.Я.Френкель, получивший благодаря содействию академика и в то время депутата Верховного Совета СССР Ж.И.Алфёрова доступ к арестным делам Вайссберга и Хоутерманса.

Процедура передачи “нежелательных иностранцев” с территории СССР представителям Германии и с противоположного берега “врагов Третьего Рейха” – представителям СССР осуществлялась следующим образом. На советском берегу стояла группа из тридцати трех измученных людей. На “германском” берегу – точно такое же количество измученных “обменных” людей. На советском берегу – офицеры НКВД. На “германском” – офицеры Гестапо. Солдаты обеих сторон, выстраиваясь параллельными шеренгами, создавали на мосту два коридора, по которым с той и с другой стороны, по одному, строго по спискам, отправлялись люди, подлежащие обмену. Офицеры, руководящие обменом, выкрикивают номера, фамилии, имена, и из групп людей по обе стороны проходили через мост по одному человеку с той и с другой стороны. Фридрих (Фриц) Хоутерманс проходил под номером восемь. Следовавший перед ним № 7 на середине моста вдруг останавливается и с криком бросается в Буг. Течением его сносит все дальше и дальше. Гестаповцы и энкэвэдэшники, охранявшие берег возле моста, бегут с пистолетами вдоль берегов и, хохоча от азарта и удовольствия “охоты”, стреляют по беглецу с двух берегов. Беглец то и дело ныряет, вокруг него фонтанчики от пуль, немцы и русские весело поддразнивают друг друга. Наконец, в него попадают – беглец барахтается в мутной от собственной крови воде, тонет. Немцы и русские показывают друг другу вскинутые победно пальцы, гогочут...

Фридрих в оцепенении стоит на мосту, в руках у него листок-анкета. Все, в

том числе и охранники, наблюдают за “охотой”. Фридрих испытывает внутренний порыв разом кончить грядущие страдания, рывок, и он – у поручней моста, кажется, еще миг, и он тоже бросится в реку. Но перед ним возникает облик Шарлотты, лицо ее, прекрасное, юное, искажено болью – “Нет! Нет! Нет!”, кажется, кричит она, удерживая Фридриха от рокового шага. Возле нее в расплывчатом тумане появляются две детские фигурки – дочь Джиованна и сын Ян... Фридрих отшатывается от перил моста...

Он как бы клянется самому себе, ожидая, когда снова начнут пропускать через мост: “Нет, нет, Шарли! Я не сделаю этого! Я люблю тебя и наших малышей! И это – выше всех моих прошлых и будущих страданий! Я связан с тобой и с нашими детьми и должен, должен жить, несмотря ни на что!.. Я стою здесь, на этом мосту, ведущем в новый, еще более страшный ад, или – в Небытие... Кажется, только сейчас, на этом мосту, я постигаю смысл всей моей жизни – прошлой и будущей: наша любовь, дети, наука... Только это – все остальное – к черту! Да, я буду жить!” Это – кульминация всей его прошлой жизни...

Движение по мосту восстанавливается, и Фридрих уже на “немецком” берегу. Гестаповец, внимательно разглядывает анкету, которую нес Фридрих, кладет в общую папку, делает пометку в списке, и Фридриха уводят. Он еле передвигается на больных ногах. Было это второго марта 1940 года...

А История шла своим ходом, востребуя для своих рывков то одну Личность, то другую. Однако чем крупнее Личность, тем она становится более востребованной Историей и тем более эффективным оказывается ее вмешательство...

*“Альберт Эйнштейн, Олд Гров Род,
Нассау Пойнт Пеконик, Лонг-Айленд,
2 августа 1939.*

*Ф.Д.Рузвельту
Президенту Соединенных Штатов
Белый дом. Вашингтон
Сэр!*

Некоторые недавние работы Ферми и Сцилларда, которые были сообщены мне в рукописи, заставляют меня ожидать, что элемент уран может быть в ближайшем будущем превращен в новый и важный источник энергии...

В течение последних четырех месяцев благодаря работам Жолио во Франции, а также Ферми и Сцилларда в Америке стала вероятной возможность ядерной реакции в крупной массе урана, вследствие чего может быть освобождена значительная энергия и получены большие количества радиоактивных элементов...

Это новое явление способно привести к созданию... исключительно мощных

бомб нового типа...

Мне известно, что Германия в настоящее время прекратила продажу урана из захваченных чехословацких рудников. Такие шаги, быть может, станут понятными, если учесть, что сын заместителя германского министра иностранных дел фон Вейцекер прикомандирован к Институту кайзера Вильгельма в Берлине, где в настоящее время повторяются американские работы по урану.

Искренне Ваш

Альберт Эйнштейн”.

Товарный тюремный поезд мчится через пылающую Польшу. Горят деревни, хутора, костелы. Бронетехника Вермахта движется на Восток... За решетками вагона – лица “нежелательных иностранцев”. Среди них – Хоутерманс. Он смотрит на Луну, все такую же знакомую и вечно загадочную. На небе ярко горят звезды. Ему вспоминается романс “Гори, гори, моя звезда...” Расплывчато возникают лица Шарлотты, детей... По щекам Фридриха текут слезы...

В типичной нацистской канцелярии в Берлине (портрет Гитлера, полки с делами, за столами сотрудники в военной форме) кипит работа. Главный здесь Дингс, тот самый бывший студент из Геттингена...

– Ганс, через Буг переправлена новая партия, посмотри-ка, кто там из наших знакомых, – приказывает он подчиненному, тому самому Гансу, который в Геттингене вступился за Шарлотту. – В первую очередь найди Хоутерманса!

Ганс разбирает поступившие бумаги, находит немецкое досье Хоутерманса. Это довольно короткая справка, вроде анкеты.

В графе “национальность” стоит условный знак “1/4”, что означает по-немецки “Ein-Viertel” – “четвертинка”, то есть с одной четвертой частью еврейской крови. Для Фридриха это означает лагерь уничтожения. Ганс, оглядываясь, чтобы никто не заметил, замазывает “1/4” и вписывает “D”, что означает “Немец”. Но это замечает Сотрудница... Ганс выходит, а она показывает справку с подтертой “графой” Дингсу – тот злорадно ухмыляется...

Фридриха помещают в камеру на двоих. Второе место свободно. У зарешетченного окна столик, стул, ввинченный в бетонный пол. Из стены торчат железные захваты для рук и ног, вроде наручников и кандалов – на две “персоны”...

Фридрих опускается на стул, обхватывает голову руками, думает. В его воображении возникают доска, кусочек мела, тряпка – он словно читает студентам лекцию: на доске появляются числовые ряды, рука Фридриха стремительно выводит формулу за формулой. Один ряд заканчивается восклицательным знаком, другой – вопросом. Тряпка стирает написанное и снова – числовые ряды, вся доска исписана ими сверху донизу...

Начальник среднего уровня гестапо “беседует” с Фридрихом.

– Вы давали подписку о том, что будете сотрудничать с НКВД на территории Германии? – спрашивает гестаповец. – Да. Или нет.

– После пыток все давали. – Фридриха вдруг охватывает ярость, он пытается кричать, но без зубов может только шепеляво хрипеть. – Меня арестовали как агента гестапо! Какого черта вам еще надо!

Гестаповец невозмутимо возражает:

– Но вы не числитесь в списках наших агентов.

– Я уже давно перестал интересоваться политикой. Главное для меня – наука и моя семья.

– За вас заступался Эйнштейн и другие западные ученые. Как вы это оцениваете?

– Впервые слышу об этом от вас.

– Как вы к этому относитесь? Еврей Эйнштейн и прочие коммунисты вступаются за немца...

– Я их об этом не просил... Лично я мечтаю лишь об одном: продолжить работу по своей специальности – физика.

– На благо великой Германии?

– Естественно!

– А кто из крупных ученых, настоящих немцев, мог бы поручиться за вас?

– Я работал со многими... Думаю, что профессор Макс фон Лауэ, лауреат Нобелевской премии. Я защищал у него докторскую диссертацию...

– Это нам известно... – Гестаповец делает знак, и Хоутерманса уводят обратно в камеру.

Шарлотта и двое ее детей – Джиованна и Ян – только что прибыли из Европы в Америку. Носильщики вносят багаж, дети кидаются к Эльзе на шею. Общая радость встречи после долгой разлуки. Детям вручаются подарки, Шарлотта просматривает почту – о Фридрихе никаких известий. Она так надеялась получить хоть какую-нибудь весточку. Шарлотта плачет, Эльза утешает ее.

Шарлотта полна решимости бороться за Фридриха. Достает из потайного кармашка сумочки визитную карточку Роберта Оппенгеймера, набирает его телефон.

– Оппенгеймер, – раздраженно отвечает Роберт, торопящийся уходить. Звонок Шарлотты застает его у выхода из его роскошной квартиры.

– Оппи! Это – Шарлотта...

– Шарлотта?! – Роберт и рад её звонку, и озабочен тем, что должен уйти. – Шарлотта, милая, ты где?

– У Эльзы, помнишь?

– Конечно, конечно, привет ей от меня! Надолго в наши края?

– Боюсь, что навсегда...

Сидящий за пультом лейтенант США ведет прослушивание и запись разговора Оппенгеймера с Шарлоттой. Приглушенно звучат голоса Шарлотты и Роберта.

– Даже так? – в голосе Роберта тревога. – А что с Фридрихом? Есть какие-нибудь вести?

– Увы, нет. – Шарлотта печально вздыхает. – Ведь мы друзья, не так ли, Оппи?

– Разумеется! – горячо говорит Роберт.

– Тогда я напрямик: Оппи, ты не смог бы помочь мне?

– Сейчас?!

– Да, немедленно!

– Милая, это абсолютно невозможно! Внизу меня ждет машина, а в аэропорту самолет. Я исчезаю – срочно и надолго! Но, милая, я тебе позвоню, клянусь! А сейчас, прости, обнимаю и бегу! Держись, дорогая, до встречи!

Лязгают засовы, в камеру, где находится Хоутерманс, входят Ганс и Дингс. В руках у него папка с бумагами. Из-за голенища сапога торчит рукоятка плетки. Если бы не военный мундир и повязка со свастикой на рукаве, он вполне бы сошел за циркового дрессировщика... У дверей появляются двое дюжих надзирателей и по знаку Дингса набрасываются на Ганса. Ловко, натренированные выполнять любые экзекуции, прикрепляют его руки и ноги к железным захватам. Ганс ошеломлен – вырваться бесполезно. Столь же ловко надзиратели справляются и с Хоутермансом – тот и не пытается сопротивляться.

Дингс вытаскивает из-за голенища плетку, напоминающую резиновую дубинку с коротким хлыстом из стальных нитей. Помахивая плеткой, он раскрывает свободной рукой папку, внутри нее, на обеих сторонах, два документа: один – исправленный Гансом, другой – “русская анкета”, где черным по белому в графе “национальность” значится “еврей”... Дингс подносит папку к глазам Ганса, затем к глазам Хоутерманса.

– Что здесь было написано?! – орет он на Ганса, тыча концом плетки в документ, который подправил Ганс.

Смаху бьет Ганса плетью по лицу – Ганс дергается от боли, но молчит.

– А ты, еврей, что скажешь? – Дингс тычет концом дубинки в лицо Хоутерманса. – Большевики тоже разбираются, что к чему. Думаешь, они просто так указали твою истинную подлую расу?! Нет, приятель, они дали нам знак, как следует с тобой поступить... Ну, кто же ты на самом деле? “Юде”? “Айн-Фиртель”? – Поворачивается к Гансу. – Что ты там замазал, друг евреев? Будешь говорить?

Бьет Ганса плеткой по лицу. Ганс стонет. Фридрих говорит Дингсу:

– Я – немец, и он ничего не замазывал. Сталин так поступает со всеми, от

кого хочет избавиться. Я проходил по графе “нежелательный иностранец”, как и те люди, которых передали вам вместе со мной. Там были и немцы, вроде меня, и поляки, и украинцы, и всем им поставили национальность “еврей”. Но это обман! Ваш коллега абсолютно не виноват. И я – тоже.

Дингс бьет Фридриха плеткой по лицу, снова, уже, как бы заключая экзекуцию, бьет и Ганса, жестом велит надсмотрщикам освободить из оков Ганса и Фридриха и быстро выходит из камеры. Ганс и Фридрих обмениваются многозначительными взглядами. Ганса уводят...

Надсмотрщики выводят во внутренний двор тюрьмы избитого, измученного Ганса. Следом выводят Хоутерманса. Он в наручниках. Дингс и несколько офицеров в форме Гестапо, обсуждая какие-то новости, не торопясь, выходят во двор. Дингс делает надсмотрщикам знаки, и те подводят Ганса к кирпичной стене, прислоняют и отходят в стороны. То же проделывают и с Хоутермансом. Офицеры вытаскивают пистолеты и небрежно, почти не целясь, расстреливают Ганса... Хоутерманс в ожидании выстрелов прижимается лицом к стене, переводит взгляд к небу, пытается прошептать “Шарли...”, но из его беззубого рта вылетает лишь тихий шелест “Ш-ш...”

Начальник среднего уровня велит секретарше, чтобы та срочно соединила его с профессором Максом фон Лауэ.

– Профессор Макс фон Лауэ на связи, – докладывает секретарша.

– Господин профессор, с вами говорит сотрудник Управления на Александерплатц. Вы знаете физика по имени Фридрих Хоутерманс?

– Фридрих Хоутерманс? Разумеется, знаю, – отвечает Макс фон Лауэ. – Его знает весь научный мир! Он первоклассный физик!

– Благодарю вас, профессор, – говорит гестаповец, кладет трубку и по другому аппарату требует срочно Дингса.

Дежурный у выхода в тюремный двор подзывает Дингса к телефону. Дингс, с пистолетом в руке, подходит, берет трубку, выслушивает указание Начальника, морщась, говорит “Хайль Гитлер”. Дежурный ловит брошенную ему трубку, Дингс, недовольный приказом, с алчной ненавистью смотрит на Хоутерманса. Офицеры с пистолетами наготове стоят полукругом, ждут команды. Хоутерманс опускается на колени, вскидывает руки на стену, чтобы не упасть.

Дингс стреляет в стену над Хоутермансом, прячет пистолет в кобуру, машет офицерам и надсмотрщикам, показывая тем самым, что вторая казнь отменяется. Офицеры, вслед за Дингсом торопливо уходят в здание. Надсмотрщики подхватывают обессиленного Хоутерманса, волокут в общую камеру...

После пережитого Хоутерманс лежит на полу камеры почти в бессознательном состоянии. Время обеда – надсмотрщики передают через окошечко миски с баландой, ломти черного эрзац-хлеба, кружки с эрзац-кофе. Староста камеры по имени Эрих принимает миски, хлеб и кружки, расставляет

на небольшом столике возле зарешетченного окна. С помощью Эриха и других сокамерников Хоутерманс поднимается на полку, придвигается к столику. Ему дают его порцию хлеба, миску, ложку, кружку. Хоутерманс пробует есть, но не может – показывает Эриху свой беззубый рот. Тот макает хлеб в кофе, похоже, это выход: Хоутерманс, как дряхлый старик, причмокивая, сосет размокший хлеб, прихлебывает из миски баланду.

Эрих и остальные сокамерники сочувствуют Хоутермансу. Эрих дает ему сигарету. Хоутерманс с жадностью раскуривает ее, забыв про еду. Ведь он заядлый курильщик. Кажется, он полностью пришел в себя после шока. Затеваётся обычный камерный разговор: кто такой, откуда прибыл, за что взят. Хоутерманс, наученный горьким опытом, рассказывает искренне, но далеко не обо всем: о том, что он физик, ученый – да, говорит, но о своих бывших политических взглядах помалкивает, он же не знает, что за люди собрались в камере. В сталинских камерах полно было провокаторов, просто озлобленных, которым несчастье ближнего доставило бы радость... Но, похоже, народ в камере подобрался приличный. Сам Эрих – рабочий, член евангелической общины, пастора которой нацисты расстреляли прямо в церкви во время его проповеди против насилия. Эриха взяли как активиста общины – по чьему-то доносу. Теперь его держат уже пятый месяц и, как в шутку говорит Эрих, не могут решить, что с ним делать – то ли расстрелять, то ли выпустить. Конечно, он желал бы последнего. Правда, надо отдать должное евангелистам, за него ходатайствовали, обращались даже в отдел по координации религиозных вопросов. В результате, на прошлой неделе ему разрешили свидание с женой и дочерью. Сегодня тоже свидание и, если у Физика будет что передать на “волю”, он, Эрих, это готов сделать. Хоутерманс размышляет, можно ли довериться этому человеку – ему, как атеисту, все верующие раньше казались на одно лицо.

Теперь, возможно, от этого евангелиста зависит жизнь или смерть. “Смерть мне и так обеспечена, – думает Хоутерманс, – а вот не воспользоваться шансом выжить было бы глупо...” И он просит Эриха, чтобы его близкие отыскали телефон берлинского физика Роберта Ромпе и передали ему всего одну фразу “Физзль в Берлине”. Вдаваться в подробности сокамерники не стали, и эта ключевая в судьбе Хоутерманса фраза была передана Роберту Ромпе, а через него – Макс фон Лауэ.

Лауреат Нобелевской премии профессор Макс фон Лауэ появился в общей камере, где содержался Хоутерманс, как некое Чудо, как Знак Свыше. Они говорили всего две минуты. Великий Физик и Зэк двух тоталитарных систем. Макс Фон Лауэ предложил Хоутермансу работу в частной научной лаборатории физика-экспериментатора барона Манфреда фон Арденне, когда, разумеется, Хоутерманса выпустят из тюрьмы...

Фридрих, в потертом, с чужих плеч костюме, который ему выдали еще в СССР перед обменом, идет, опираясь на палку, по улице Берлина. Всюду знаки правящего режима – флаги, полотнища со свастикой, патрули, перекрытые улицы. Снуют прохожие, у лавок и магазинов – очереди. Кафе открыты, но вместо настоящего кофе – эрзац. Фридрих сидит за столиком уличного кафе, жадно курит сигарету за сигаретой, пьет эрзац-кофе, пишет огрызком карандаша на бумажной скатерти – опять формулы, численные ряды, мало понятные обыкновенному человеку. Со стороны может показаться, что Фридрих спятил. Официант, приняв его за нищего, не берет с него денег за кофе...

Фридрих заходит в полицейское управление – сотрудник проверяет его документы, делает отметку в своих бумагах. С этого дня Фридрих обязан ежемесячно отмечаться. Любые перемещения по стране ему запрещены. В любой момент он может быть арестован...

Наконец, он находит то, что искал: большой особняк на тенистой улице, у входа табличка с надписью: “М. фон Арденне. Частная лаборатория”.

Это не просто обычный оффис, но и часть лаборатории предприимчивого, изобретательного и весьма доброжелательного человека. И Арденне, и Фридрих знакомы еще по довоенным временам, у них много общих знакомых в сфере науки, и разговор, который они ведут, касается будущей работы Фридриха.

Фридрих, сидя в кресле перед громадным столом хозяина, заставленным различными приборами, наконец-то получает истинное удовольствие от натурального кофе и гаванской сигары...

– Мне звонил профессор Макс фон Лауэ, – говорит Арденне, предлагая Фридриху сигару. – Он просил передать вам вот это. – Арденне протягивает Фридриху конверт с деньгами. Фридриху неловко принимать помощь, но деваться некуда, со словами “Обязательно верну” он прячет конверт в карман. – Еще Лауэ просил меня обсудить с вами варианты вашей будущей деятельности... Доктор Хоутерманс, чем бы вы хотели заняться?

– О, профессор, это очень сложный вопрос! Накопилось столько идей, что уже не помещаются в голове, – говорит Фридрих. – Конечно, хотелось бы заниматься физикой, точнее, ядерной. Если я не ошибаюсь, в результате реакции урана с нейтронами может образоваться новый элемент, имеющий сходные с ураном-235 свойства как делящийся материал с не меньшим выходом энергии (*представим себе, что эта мысль пришла бы в голову не антифашисту-заключенному Хоутермансу, а прогитлеровски настроенному ученому-физику...*). А ведь такой элемент легко выделяется химически, в отличие от легкого изотопа урана!

Арденне бегло записывает. Фридрих продолжает говорить, но Арденне плохо слушает, его захватила идея насчет нового элемента... В его богатом воображении талантливого экспериментатора и изобретателя возникают фантастические конструкции будущих атомных устройств, заводские цеха, где

энергия атома будет преобразована в тепло, пар, электричество...

– Еще я хотел бы заняться электронным микроскопом, – продолжает Фридрих, – вообще концентрацией световых пучков. Определением возраста Земли и нашей Вселенной...

– Каким образом? – возвращается в русло беседы Арденне.

– По изотопному составу метеоритов. Вселенная то и дело подбрасывает нам информацию о себе, а нам, занятым черт знает чем, нет до этого никакого дела!

Арденне понимающе кивает, похоже, он понял намек Фридриха и полностью разделяет его взгляды по этому вопросу.

– И еще тьма-тьмущая идей, но не буду отнимать у вас время. Это – основное, – заключает Фридрих свой короткий доклад.

Арденне встает, подходит к окну, смотрит на улицу, заполненную военными грузовиками с сидящими в них солдатами. Он морщится, но сдерживается от каких-либо замечаний. Наконец, обдумав ответ, подходит к Фридриху, внимательно разглядывает его.

– Фридрих, сейчас тревожное время, – говорит он, понизив голос, – и то, о чем вы мечтаете, придется отложить, боюсь, надолго, тем более, что вы находитесь под надзором гестапо... Но, несмотря ни на что, я вас беру на работу к себе, с одним условием – никакой политики! Это – ваш аванс, – дает ему конверт. А это – адрес хорошего, недорогого зубного врача, он вас вернет к нормальной форме...

Фридрих встает, берет конверт и визитную карточку врача, прижимает руки к груди.

– Поверьте, профессор, всю политику из меня выбили там и здесь...

– Примите мое искреннее сочувствие, – говорит Арденне, крепко пожимая Фридриху руку...

Фридрих и его юная, весьма привлекательная помощница Ильзе Бартц успешно завершают очередной эксперимент. Установка, на которой они работают, выглядит внушительно: это система электромагнитов, между которыми расположена вакуумная трубка, завершает сооружение масспектрометр, по отклонению стрелки которого определяют ход физического процесса...

Фридрих, в белом лабораторном халате, тщательно выбритый, пришедший в норму после тяжелых испытаний, счастлив, что может продолжать заниматься любимым делом – физикой, тем более, с такой обаятельной, умной и энергичной помощницей... Похоже, силы притяжения, которые они изучают, возникли и между ними. Фридрих, как бы невзначай, берет руку Ильзе, прикладывает ее ладонь к магниту установки.

– Вам не страшно? – спрашивает он.

– С Вами – нет! – отвечает Ильзе.

– А вдруг там что-нибудь взорвется, – шутит Фридрих, не выпуская руку

Ильзе. – Не боитесь?

– С Вами – нет!

– Вы думаете, я – надежная защита?

– Да, думаю, что именно так...

– Спасибо... Мне тоже надежно с вами. Надежно и приятно. Вы – замечательная женщина... Если бы я был свободен, то прямо сейчас предложил бы вам руку и сердце. Но...

– Что вы, что вы, я все, почти все понимаю, – с грустной улыбкой говорит Ильзе. – Но и вы не обижайтесь на меня...

– А почему я должен обижаться на вас?! – удивляется Фридрих.

– У меня был друг... Погиб на Восточном фронте. Он не хотел воевать, был художником, но его мобилизовали...

– Откровенность на откровенность. Моя жена и двое детей в Америке. Я не имею о них никаких сведений. Тюрьмы, все эти ужасы. Не буду вас расстраивать. Сейчас я под надзором гестапо и не могу заниматься поисками семьи. Они запретили мне любую переписку, иначе – концлагерь. Но я пытаюсь, ищу способы узнать хоть что-нибудь о них и дать знать о себе... Но, понимаете, Ильзе, жизнь уходит, жизнь! А я так ее люблю! Жизнь люблю! Понимаете?

– Я тоже люблю жизнь... – говорит Ильзе.

Они смотрят друг другу в глаза, и искра свыше проникает в них... Они тянутся друг к другу, две “потерявшиеся” в этом страшном мире души...

– Ильзе, милая, мне кажется, сам господь-бог свел нас вместе... – говорит Фридрих, не в силах противостоять влечению к Ильзе...

Раздается вой сирены воздушной тревоги. Фридрих вопросительно смотрит на Ильзе, она лишь крепче прижимается к нему:

– Не пойдем в бомбоубежище, с тобой ничего не боюсь!

– Ты – потрясающая!

Ни вой сирены, ни близкие разрывы бомб не могут помешать им любить друг друга... В наступившей тишине слышен негромкий голос Фридриха:

– Знаешь что, зови меня Физзлем, так звала меня мама.

– Физзль? А что это означает? Я не знаю такого слова.

– Наверное, это от слова Wiesel, верткий прыткий зверек, вроде ласки, бурундука. Я думаю, правильнее было бы сказать Виззль, но мы долго жили в Австрии, а там чуть иное произношение. Но ты можешь звать меня как тебе вздумается, я буду откликаться на твой голос и тихо, счастливо урчать...

– Какой ты смешной, Физзль! А мне нравится, как называла тебя твоя мама.

– Я был у нее один... Теперь я снова один...

– Физзль, милый, я тоже одинока... И ты мне нравишься, ты – хороший. Знаешь, о чем я мечтаю? Хотя сейчас все так ужасно, война, бомбежки, голод, но я тоже люблю жизнь... Хочу иметь детей, наших с тобой детей...

Фридрих спрашивает вроде бы серьезно, но по глазам видно, что шутит:

- Сколько детей? В сумме?
- Трое, четверо, – мечтательно говорит Ильзе и тревожно смотрит на Фридриха. – А что? Много?
- Не более четырех, – с загадочной улыбкой отвечает Фридрих.
- Почему? – удивляется Ильзе. – Война скоро кончится...
- Да, ты права, война кончится, но не кончится тот предел, который определил Зигмунд Фрейд: у меня будет шесть детей, всего шесть! Представляешь, какой кошмар! А я так люблю детей! Хотел бы иметь сто, нет, двести ребятишек! Ради них готов работать день и ночь! У меня масса идей! Жизнь состоит из каких-то кусков. У тебя так же, как и у меня. Эти куски возникают и исчезают в вечности, у нас нет этой вечности, мы, увы, стареем... Но пока мы еще молоды, надо спешить! Итак, четверо? Вперед, за дело!..

Фридрих и Ильзе венчаются в протестанском храме. Их сопровождают в этой скромной церемонии Манфред фон Арденне, сотрудники лаборатории. Священник освящает их брак размашистым крестом. Фридрих надевает на палец Ильзе обручальное кольцо, целует невесту...

“В течение военных лет Хоутерманс со своими полными фантазии гениальными идеями был опорой нашей команды. Он занимался оценкой потребления энергии при разделении изотопов... Важнейшие результаты Хоутерманс изложил в секретном докладе, который был тогда сообщен всем известным немецким ядерщикам. В этой рукописи Хоутерманс предсказал свойства и перспективы плутония. Он обратил внимание на преимущества плутония и на тот путь, который в дальнейшем привел к реакторам-размножителям...” (Манфред фон Арденне в своих воспоминаниях).

“Ясная, исчерпывающая работа Хоутерманса явилась как бы итогом и поворотной точкой всего немецкого атомного проекта”. (Д. Ирвинг, из книги “Вирусный флигель”).

“Проектом занимались Имперский Совет по научным исследованиям, Министерство вооружений и ряд других ведомств, претендовавших на самостоятельность. (Имперская служба безопасности, включая Гестапо, очевидно, проектом не занималась – он никогда не был включен в число первоочередных и особо важных). Было образовано еще в 1939 году Урановое общество (“Uran-Verein”) с участием довольно узкого круга ведущих физиков, куда входили Гейзенберг, Ган, Гейгер, Боте, Вайцеккер и др. Хоутерманс, пребывавший тогда в советских, а потом в немецких тюрьмах, туда включен никогда не был...”

Он снова занят наукой. Неофициально участвует в немецком Урановом проекте, которым руководит лауреат Нобелевской премии Вернер фон Гейзенберг. Боясь, что Гитлер может получить атомное оружие, дважды, рискуя жизнью, Хоутерманс пишет своим друзьям-физикам в США, чтобы они

ускорили разработку бомбы (телеграммы отправлялись из Швейцарии, и мы лишь можем предполагать, что отправляла их Ильзе Бартц – Авт.).

“Пожалуйста, запомните... то, что нужно передать заинтересованным лицам в Америке. Мы здесь, включая Гейзенберга (руководителя Немецкого атомного проекта – Авт.), изо всех сил стараемся воспрепятствовать реализации планов создания бомбы. Но мы находимся под давлением сверху... Пожалуйста, скажите все это; передайте, что Гейзенберг не сможет дальше противиться этому давлению со стороны правительства всерьез заняться изготовлением бомбы. И скажите им, скажите, что они должны торопиться, если они уже приступили к работе... – что они должны торопиться”. (Из воспоминаний “неарийского” немецкого физика Фридриха Райхе о содержании послания Фридриха Хоутерманса в США).

“Однажды, когда мы работали в Металлургической лаборатории, мы получили телеграмму от известного физика-теоретика Хоутерманса. Он понимал природу процессов деления ядер и был хорошо знаком с Гейзенбергом. Телеграмма Хоутерманса из Швейцарии гласила: “Торопитесь! Мы идем по следу”... (Из воспоминаний Е.Вигнера, известного физика, сотрудника Энрико Ферми).

Он по сути кладет под сукно свою работу о преимуществах плутония в качестве ядерной взрывчатки – в случае доноса он был бы казнен. Позднее, уже после войны, обосновывая свою “непатриотичную” позицию, Хоутерманс скажет в интервью Р.Юнгу, автору знаменитой книги “Ярче тысячи солнц”: “Каждый порядочный человек, столкнувшись с режимом диктатуры, должен иметь мужество совершить государственную измену”. И это не позиция “невмешательства”, моральное право иметь которую в те годы он выстрадал, находясь почти три года в советских тюрьмах, нет, это сопротивление, причем активное! Здесь уместно напомнить, что о его суперважном отчете о новой ядерной взрывчатке знали крупнейшие немецкие физики В.Боте, О.Ган, Ф.Штрассман, Г.Гейгер и, конечно, руководители немецкого Уранового проекта К.Вейцеккер и В.Гейзенберг. Факт этот свидетельствует о том, что все эти ученые сочувствовали позиции Хоутерманса, но в силу личных качеств и того положения, которое занимали в иерархии нацистской науки, не могли позволить себе свободу действий. То, что Хоутерманса не арестовали, говорит о многом: доноса со стороны ученых не было!

Фридрих входит в кабинет Макса Фон Лауэ. Маститый ученый поднимается навстречу, энергично жмет руку Фридриху, приглашает в кресло.

– Господин профессор, – обращается Фридрих, – мой краткий визит вызван двумя обстоятельствами. Во-первых, считаю своим приятным долгом поблагодарить Вас за ту помощь, которую Вы оказали мне в трудные для меня времена. Хочу с огромной признательностью вернуть Вам вот это, – Фридрих кладет на стол конверт с деньгами, приподнимается в полупоклоне. Фон Лауэ

снисходительно, небрежно отмахивается от слов благодарности, давая понять, что для него не это главное в жизни. – Господин профессор, – продолжает Фридрих, – второе обстоятельство сугубо личного характера. Вот уже четвертый год я не имею никаких известий о моей семье, жене Шарлотте, дочери Джioванне и сыне Яне. Сам я в моем современном положении никаким образом не могу даже попытаться найти их. Выехать в нейтральную страну я тоже не могу. Рискую вызвать Ваше неудовольствие, но все же прошу, господин профессор, если у Вас появится хоть малейшая возможность...

Фон Лауэ жестом прерывает Фридриха и говорит:

– Мой друг Арденне очень высокого мнения о вас, как о физике и работнике. Значит, мы не ошиблись, когда в Геттингене присвоили Вам почетное звание доктора. Я рад, что Вы успешно включились в работу. В конце концов, для нас, ученых, главное – работа, наука, физика! Вот и трудитесь на этом благородном поприще. А я – желаю Вам успехов!

Фридрих встает, откланивается, пожимает протянутую фон Лауэ руку и уходит.

“Макс фон Лауэ, Берлин,

20 июня 1940 года.

Эльза Хоутерманс, Нью-Йорк, США.

Ваш сын, д-р Фриц Хоутерманс, снова находится в Берлине. Правда, я с ним еще не разговаривал, и не знаю, когда этот разговор состоится. Но сам факт – несомненен!”

На самом деле, разговор между ними уже состоялся, и только соображениями безопасности можно объяснить столь “законспирированный” текст письма Макса фон Лауэ. Но главное он сделал – сообщил Эльзе, а значит, и Шарлотте, что Фридрих жив и контакт с ним возможен...

Арденне сидит за столом в своей лаборатории, пишет. Появляется Дингс в форме офицера гестапо.

– Хайль, Гитлер! – вскидывает Дингс руку в фашистском приветствии.

– Хайль, – бормочет занятый работой Арденне. – Садитесь.

Дингс садится, кладет фуражку на колено.

– Господин Арденне, мы получили указание направить в зоны, занятые нашей доблестной армией, инспекционные группы из специалистов для выяснения научного потенциала и пригодного для нас оборудования. Надеюсь, вы примите самое активное участие в этой важной акции. Тем более, по нашим сведениям, у вас работает Фридрих Хоутерманс, ранее работавший в Харьковском физико-техническом институте...

– Да, работает.

– Мы рекомендуем откомандировать именно его, – с настойчивой злобой

говорит Дингс. – С ним будут наши люди, которые обеспечат объективность информации...

– Хорошо, я подумаю, – рассеянно говорит Арденне.

– Не “подумаю”, а “будет сделано!”, – вскипает Дингс. – Это – приказ!

Выкрикнув “Хайль Гитлер!”, Дингс удаляется. Арденне вяло скидывает руку.

Сидит в кабинете один, думает. Наконец, собирается с мыслями, вызывает по внутреннему телефону Фридриха. Появляется Фридрих. Он в лабораторном белом халате. Сигарета, с которыми он не расстается ни днем, ни ночью, торчит в зубах.

– Фридрих, есть не очень приятная новость, – говорит Арденне. – Почтовое ведомство, которое нас финансирует, получило указание, – Арденне многозначительно указывает пальцем вверх, дескать, от самого высокого начальства... – Звук сирены заглушают его слова... – ...Понимаю, поездка не доставит особого удовольствия, но, пойми, они назвали тебя, а другого специалиста у меня просто нет...

Хоутерманс понимает – это тянется за ним харьковский след, прошлое, от которого не избавиться...

Фридрих в немецкой военной форме посещает Харьковский физико-технический институт в разгар военных действий на территории СССР. Осматривает высоковольтный зал, где когда-то вместе с Лейпунским, Фрицем Ланге и Фоминым проводили испытания. Немногочисленные работники, оставшиеся в оккупации при институте, узнают Фридриха – реакция их различна: от поздравлений до полного презрения...

“...Я имею основательные причины быть сердитым на советское правительство, которое сыграло со мной столь злую шутку... Тогда очень часто мне предлагали опубликовать воспоминания о России, и я отвечал, что хотел бы сообщить только хорошее о русских ученых... Я принял предложение (выехать на оккупированные территории, то есть в УФТИ): 1) потому что его отклонение в моей ситуации означало бы безусловное заключение в концлагерь, 2) потому что я видел в нем единственную возможность содействовать поддержке и спасению институтов и людей... Сейчас я, как и раньше, очень высоко оцениваю русскую науку и ее представителей, несмотря на весь сложный опыт, который я приобрел, и чувствую себя с ней связанным, и я надеюсь, что придет день, когда связь с ней станет свободной от всех политических препятствий”. (Из письма Ф.Хоутерманса американскому физику д-ру Бруно Тоушеку, претерпевшему страдания от нацистского режима из-за своего полуеврейского происхождения).

“...Будучи в Харькове только в первые месяцы оккупации, Хоутерманс к разрушениям не имел отношения – они были сделаны немцами перед оставлением Харькова... Ни сотрудники, ни институтское оборудование в

Германию вывезены не были... В октябре-ноябре 1941 года Хоутерманс щедро выдавал физикам, оставшимся в Харькове, справки о том, что они работают по заданию Люфтваффе. Это являлось гарантией того, что их предьявителей не угонят в Германию... Пережившая нацистский режим вдова профессора Хейнриха Рауша фон Траубенберга, умершего при аресте в Берлине в 1944 году, сообщает о той поддержке, которую оказывал ей и ее мужу Хоутерманс, и о роли, сыгранной им при спасении ее от концлагеря. Она приводит данные и о других лицах, которым в той же степени помог Хоутерманс, причем, по ее мнению, он тем более рисковал, что сам находился под надзором Гестапо...” (Из различных документов).

Фридрих и Ильзе Бартц обсуждают результаты экспериментов, вместе составляют отчеты, пишут научные статьи. Они – соавторы и связаны не только исследованиями, у них уже трое детей: две девочки и мальчик. Фридрих, как образцовый семьянин, любит их, играет с ними, и они любят его...

Учащаются налеты советской и союзной авиации, все чаще приходится укрываться в бомбоубежище. Особенно тяжелы эти минуты и часы для детей... Фридрих для них опора и надежда на будущую нормальную жизнь...

Фридрих в лаборатории. Один. Сидит в глубокой задумчивости. Перед ним на столе нарисованные им знаки: свастика, серп и молот, звездный флаг США... Его карандаш решительно зачеркивает свастику, затем, помедлив, перечеркивает серп с молотом... Остается американский флаг...

Генерал Лесли Гровс – легендарная личность. Военный строитель здания, которое современники называли Пентагоном, он был организатором и охранителем всего гигантского хозяйства, известного под названием “Манхэттэнский проект”, призванного разработать, создать и применить Первую американскую атомную бомбу. У него был прямой провод с Президентом и неограниченные полномочия. Но кроме безграничных прав, у него были и колоссальные обязанности. Он не имел ни секунды свободного времени и, кажется, только его недюжинное здоровье да коньяк позволяли ему тянуть тот воз, в который впрягло его Правительство США и личный долг перед великой Родиной.

В своем кабинете он разговаривает с научным руководителем американского атомного проекта Робертом Оппенгеймером.

– Присаживайтесь, Оппи, – любезно предлагает Гровс, когда Оппенгеймер входит в кабинет к генералу. – Виски? Коньяк?

Оппенгеймер отказывается. Генерал по-хозяйски, сам наливает себе рюмку коньяка, выпивает, берет с вазы апельсин, не торопясь, надрезает его, выдерживает паузу, которая для импульсивного Роберта равна пытке...

– Роберт, – наконец, начинает генерал, – есть дурные вести... Увы... Тучи, которые я пытаюсь разгонять уже несколько лет, сгущаются... Кто такая

Шарлотта?

– Шарлотта, м-м, как вам сказать, моя давняя приятельница, – уклончиво отвечает Роберт.

– А поточнее?

– Это прекрасная женщина, мать двоих детей...

– Чьих детей?

– Известного физика... Хоутерманса...

– Известного – как?

– Как прекрасного физика-экспериментатора...

– Роберт! Если вы сейчас же не расскажете все, как на духу, я не гарантирую, что завтра вы останетесь в этом, черт возьми, проклятом богом месте! И все ваши “левые” симпатии обрушатся на вас и... на меня – тоже! Поэтому – говорите! И без всяких этих ваших восточных штучек...

Роберт, как человек умный и весьма рациональный, рассказывает генералу о Хоутермансе и его жене, к которой, он это и не скрывает, испытывает симпатию.

Генерал задумывается, выпивает еще рюмку коньяка и выносит вердикт:

– Господин Оппенгеймер, сейчас мы с вами впряжены в такой воз, что обязаны, поймите, просто обязаны доверять друг другу. Иначе – катастрофа! Представляете, чем это может кончиться для безопасности Соединенных Штатов?! В самый ответственный момент! Прошу вас, господин Оппенгеймер, прекратите ваши игры... Забудьте на время, что вы молоды, что есть симпатичные бабы и так далее. Помните об одном – в ваших руках судьба мира и нашей страны! Всё! О-кэй?

Оппенгеймер отвечает на крепкое рукопожатие генерала и, когда возвращается в свой кабинет, буквально падает в кресло и сжимает голову руками, почти так же, как сжимал свою голову Фридрих Хоутерманс, когда в Харькове принес Шарлотте документ об их увольнении из института... Он встает, подходит к окну – за окном домики научного центра, а дальше, вдали – безжизненная пустыня. Он стоит, всматриваясь в эту мертвую панораму, – там, в расплывчатой дали вырастает злое-щий гриб атомного взрыва...

Фридрих прощается с Арденне, на разговоры времени нет – доносится канонада, с воем обрушиваются на город бомбы. Арденне спешит собрать документы для эвакуации на Запад. Тем не менее, он сердечно прощается с Фридрихом, на глазах у обоих слезы. Фридрих торопливо уходит, внизу его ждет машина, в которой Ильзе Бартц и трое их детей. Они уезжают. Арденне из-за гардины машет им рукой...

Дингс, давний враг Фридриха, на военном автомобиле пробирается среди развалин к лаборатории Арденне. Взмагает по лестнице на второй этаж.

Арденне готов к самому худшему, но Дингс интересуется лишь Фридрихом:

– Где Хоутерманс? – хрипло спрашивает он.
– Не знаю, – отвечает Арденне, – был где-то здесь.
– Вызовите его немедленно! – приказывает Дингс.
Арденне нажимает кнопки на столе – одну за другой – никакого ответа.
– Боюсь, что его нет, – говорит Арденне.
– А где он? – орет Дингс, доставая пистолет.

Арденне хладнокровно пожимает плечами. Дингс от бессильной ярости стреляет в потолок и бросается вон из кабинета.

Дингс выбегает на улицу – там столпотворение: немецкие военные машины, забитые офицерами и солдатами, загрохотали всю улицу. Самые отчаянные лезут напролом, оттесняя машины, припаркованные у обочин. Дингс ищет свою машину, кое-как находит, но что-то вдруг меняется – немцы поспешно покидают машины и разбегаются в разные стороны. Издали с грозным рокотом надвигаются советские Т-34 – танки подминают легковушки, таранят заторы, и вот они уже возле лаборатории Арденне. Дингс с пистолетом взбирается на танк, стреляет в смотровые щели. Верхний люк второго танка вдруг резко отбрасывается, и появившийся танкист автоматной очередью сбивает с брони Дингса – тот с воплем летит вниз, под гусеницы...

Возле входа в Лабораторию танки останавливаются. Из них выбираются трое в советской военной форме, но форма сидит на них мешковато, да и сами они, это видно невооруженным глазом, никакие не военные, а ученые, физики, прибывшие с передовыми частями, чтобы захватить немецких ученых, занятых в Германском атомном проекте. В составе советской группы “захвата”, возможно, были такие крупные ученые, как Л.Арцимович, Я.Зельдович, И.Кикоин, Ю.Харитон и другие физики, одетые в форму полковников НКВД...

Сотрудники Лаборатории, во главе с Арденне, выходят из здания и, под охраной автоматчиков, переходят в два бронетранспортера, следовавшими за танками...

“Арденне Манфред фон – ...В 1945 – 1955 г.г. жил и работал в СССР. С 1955 директор научно-исследовательского института в Дрездене... Государственные премии СССР (1947, 1953), Национальные премии ГДР (1958, 1965)... Немецкий физико-химик Николаус Риль участвовал в создании первой советской атомной бомбы, за что был удостоен звания Героя Социалистического Труда (1949 г.)”.

Фридрих и Ильзе Бартц с тремя детьми на автомобиле выбирают из разрушенного, пылающего Берлина – их путь в Геттинген, уже знакомый нам и спасительный для Фридриха и его новой семьи... Передовые части союзников вступают в Геттинген. Радость освобождения, страх, надежды на будущее...

Фридрих ходит по местам, где когда-то бродили вместе с Шарлоттой... Кафе “Корона и Копье”, земляной вал, крепостные стены, гора Гайнсберг, домик с

островерхой крышей, где впервые познал он любовь...

В Геттинген он случайно встречается своего сокамерника К.Ф.Штепу. Тот мыкается с семьей без жилья и без денег. Фридрих помогает ему всем, чем может. Потом они вдвоем пишут книгу о пребывании в советской тюрьме, но под псевдонимами: F.Beck, W.Godin. Russian Purge and the Extraction of Confession (“Русская чистка и извлечение признания”). London, 1951. (Экземпляр книги с дарственной надписью Нильсу Бору от Хоутерманса хранится в библиотеке Нильса Бора в Копенгагене). Книга Алекса Вайссберга “Обвиняемый” (“A.Weissberg. The Accused. N.Y., 1951, 530 pp.), наряду с книгой “Русская чистка...”, несомненно являются предтечами “Архипелага ГУЛАГА” А.Солженицына...

Урановая бомба “Малыш”, сброшенная с бомбардировщика США Б-29 “Энола Гэй”, взрывается на высоте 500 м. над Хиросимой в 8 часов 15 минут 30 сек шестого августа 1945 года. Внизу, после вспышки, сплошная темно-серая туча. Разрушенный город, обожженные люди лежат в сквериках, на улицах, по берегам вдоль реки...

“Если бы я знал, что немцы не создадут атомную бомбу, я бы ничего не сделал для бомбы... Война выиграна, но мир не выигран! Сыновья тьмы могут выползти из мышиных нор, в которых они сейчас прячутся”, – говорил Эйнштейн в своем выступлении по радио вскоре после Хиросимы и Нагасаки. Он переживал эти варварские бомбардировки как свою личную трагедию.

Фридрих и Ильзе Бартц в спальне. Ильзе ждет ласки от Фридриха, он странно холоден, избегает близости, хотя Ильзе проявляет деликатную настойчивость...

– Ильзе, дорогая, постарайся понять меня и не обижайся... – с трудом говорит Фридрих. – Хочу быть честным с тобой...

Ильзе обижается, но, кажется, она понимает состояние Фридриха.

– Фридрих, я знаю... Ты все время думаешь о Шарлотте и детях...

– Да, милая, думаю... Я должен задать ей пару вопросов...

– Что будем делать?

– Не знаю... А что думаешь ты? У нас трое детей...

– Я понимаю тебя, твои чувства... Решай! Как решишь, так и будет...

Ильзе отворачивается и поплотнее укрывается одеялом...

Фридрих с чемоданом и пакетом, в котором угадываются детские игрушки, выходит из здания Консульства, жадно раскуривает сигарету. Видно, что он крайне расстроен. Ловит такси, едет на вокзал. И вот он уже в поезде, едет по равнинной части Германии, на Запад...

Фридрих входит в свою квартиру. Швыряет чемодан и пакет с игрушками, валится, не раздеваясь, на кровать. В плаще и ботинках лежит с закрытыми глазами, сигарета, как всегда, во рту, дымок струится, придавая его лицу какую-то странную распивчатость. Кажется, он спит... Все дальнейшее кажется то ли

сном, то ли реальностью, подернуто как бы некой колышашейся пеленой, и голоса звучат ненатурально, словно искажены расстоянием...

Джиованна, ей уже 18 лет, открывает дверь – на пороге стоит Фридрих с дорожными вещами в руках. Она не узнает его.

– Хэллоу! – приветствует ее Фридрих. – Не ты ли “Бамси”, дочь Фридриха Хоутерманса?

Джиованна смущена, зовет мать:

– Мама! Здесь...

– Кто? – кричит из кухни Шарлотта. Выходит из кухни, узнает Фридриха, вся в смятении, не знает, что делать с руками, они ей мешают...

Фридрих тоже растерян, стоит молча, чемодан и дорожная сумка падают на пол...

– Шарли... – тихо произносит он.

– Физзль... – откликается Шарлотта.

– Папа?! – удивляется Джиованна.

Фридрих обнимает Шарлотту, потом – дочь.

– А где Ян? – спрашивает Фридрих.

– Он в гимназии... – говорит Джиованна.

– Извини, не мог предупредить, свалился, как черт с неба, – оправдывается Фридрих. – Знаешь, эти вояки вечно вмешиваются в жизнь нормальных людей, им все хочется повоевать, используя нас с вами. А мы, как раз, совсем не хотим воевать, не так ли, Бамси? – заканчивает он, обращаясь к Джиованне. – Верно я говорю?

Джиованна растрогана, главным образом, тем, что Фридрих назвал ее детским ласковым прозвищем, которое когда-то сам и придумал. Шарлотта всматривается в мужа, уже столь далекого, почти забытого...

– Фридрих... ты с дороги, наверное, устал, – говорит Шарлотта. – Раздевайся, можешь принять душ... – Она все еще в шоке. – Мы как раз ждем Яна... вместе пообедаем...

– Шарли... – говорит Фридрих, и спазмы сжимают ему горло. Он подходит к Шарлотте, осторожно прикасается к ее лицу, волосам, в которых заметны седые пряди. – Все эти годы...

– Фриц! – умоляюще просит Шарлотта. – Потом...

– К черту “потом”! – взрывается Фридрих. – Мы потеряли тринадцать лет! Какое может быть “потом”?! Я приехал, чтобы увидеть вас всех, тебя, Бамси, Яна.

Шарлотта медленно, как в полусне, падает ему на плечо, рыдает...

Все семейство в сборе за обеденным столом. Фридрих разливает по бокалам шампанское, которое он извлек из сумки, и произносит тост:

– Шарлотта! Ребята! Родные мои! Как я рад, что снова мы все вместе!

Господь трижды сотворил Чудо. Первый раз, когда познакомил меня с Шарлоттой, второй – когда дал нам возможность родить вас, дети мои. И в третий – соединил нас снова за этим столом...

– Ты стал верующим? – спрашивает Шарлотта.

– Наша жизнь, связанная с необъятным и непостижимым Космосом, заставляет верить в Нечто сверхъестественное. Я не настолько эгоцентрист, чтобы приписывать все эти чудеса только собственной персоне. Нет, милые! Это мы все вместе... – Фридрих умолкает, ему перехватило горло, на глазах слезы, он чокается с Шарлоттой, с детьми, залпом выпивает шампанское.

– А ты не изменился, – говорит Шарлотта, раскладывая по тарелкам салат.

– Уверяю тебя, из нас четверых никто не изменился, – шутит Фридрих, уплетая закуску. – Я имею в виду не внешние данные, а внутреннюю суть.

– Сердце? – уточняет Ян. – Мы как раз проходим по биологии человеческий организм...

– Вот именно! Сердце! – Фридрих тычет себя в грудь. – Не поверите, проходил таможенный досмотр уже здесь, в США, а я – гражданин ФРГ, подозрительный элемент. Переворошили все вещи, общупали меня с головы до ног, пригласили на рентген. Я удивился: что вы ищите, спрашиваю, золото?

– Да, золото! – говорят.

– Вы не там ищите, вот, говорю, где мое золото, и показываю на сердце. Сердце у меня – золотое!

– А они что? – интересуется Джиованна.

– Посмеялись и говорят: вы свободы. Я им показываю на голову, дескать, голова – тоже драгоценная. Еще не все выбили нацисты и большевики...

Шарлотта порывисто обнимает его. Предлагает тост “За нашего папу!”...

Спальня Шарлотты. Уютно светятся прикроватные бра. Фридрих, обычно такой динамичный, решительный, сейчас сама неуверенность... Шарлотта подходит к нему, гладит по лицу, расстегивает рубашку, садится рядом, приникает к плечу...

– У нас столько вопросов, что не хватит жизни, чтобы все обсудить, – пытается шутить Фридрих.

– Но ты, надеюсь, сформулировал самый главный вопрос? – спрашивает Шарлотта. – Раньше ты был мастером по формулированию...

– Да, ты права, одно дело вопросы к Природе, но совсем другое – вопросы к самому себе... Ты знаешь, пока нас разделяли границы, тюрьмы, полиция, война и океан, я женился... Ее зовут Ильзе Бартц, хорошая женщина, у нас трое детей, но... Как видишь, я здесь, ты всегда была со мной, там, внутри моего золотого слитка, – показывает на сердце, – ты была как кусочек радия, который светился внутри моей души и звал, звал, звал... И вот я – здесь... И я снова люблю тебя, Шарли! Но я хотел бы знать, что чувствуешь ты... У тебя тоже была какая-то жизнь. У меня нет ни малейшего представления, как ты жила все эти годы...

Когда-то ты дружила с Робертом Оппенгеймером... Или это – запретная тема?

– Почему же, нет, здесь полная ясность. Оппи, ты же должен знать, был научным руководителем Манхэттенского проекта, засекречен, я о нем узнаю лишь из прессы. Сейчас у него не самые лучшие времена. После Хиросимы и Нагасаки он выступил против дальнейших разработок атомного оружия, попал под пресс так называемой Комиссии по антиамериканской деятельности, кажется, его отстранили от секретных работ, а что дальше – не знаю... И это – все! Я жила с детьми и для детей... Для наших с тобой детей... И для твоей матери... Очень грустно, что ее уже нет с нами... Но есть ты! И я – счастлива, как когда-то...

Фридрих, тронут ее исповедью, любовь, вновь оживает между ними...

“...Проблема, вставшая перед интеллигенцией этой страны (США), весьма серьезна. Реакционные политики посеяли подозрения по отношению к интеллектуальной активности, запугав публику внешней опасностью... Что должна делать интеллигенция, столкнувшись с этим злом? По правде, я вижу только один путь – революционный путь неповиновения в духе Ганди. Каждый интеллигент, вызванный в одну из комиссий, должен отказаться от показаний и быть готовым к тюрьме и нищете... Отказ от показаний не должен сопровождаться уловками... Он должен быть основан на убеждении, что для гражданина позорно подчиниться подобной инквизиции, оскверняющей дух конституции. Если достаточное число людей вступит на этот тяжелый путь, он приведет к успеху. Если нет – тогда интеллигенция этой страны не заслуживает ничего лучшего, чем рабство...” (Альберт Эйнштейн, из письма учителю Вильяму Фрауэнглассу. Июнь 1953).

“1. Доктор Оппенгеймер в начале войны поддерживал постоянные взаимоотношения с коммунистами. Он был любовником коммунистки и женился на бывшей коммунистке. Он щедро давал коммунистам деньги с 1940 года вплоть до апреля 1942 года.

2. Он принимал на работу в Лос-Аламос коммунистов или бывших коммунистов.

3. Он давал противоречивые показания Федеральному бюро расследований о своем участии в коммунистических митингах в первые дни войны.

4. Доктор Оппенгеймер отклонил предложение человека, называвшего себя коммунистом, о передаче научной информации Советскому Союзу и заявил этому человеку, что подобный акт был бы изменой, но в течение ряда месяцев не информировал об этом инциденте службу безопасности.

5. В 1949 году, будучи председателем Консультативного комитета по атомной энергии, он решительно выступал против создания водородной бомбы. Он продолжал вести агитацию против этого проекта даже после того, как президент Трумэн дал комиссии приказ приступить к исследовательским работам, необходимым для создания водородной бомбы...” (Агентство “Ассошиэтед Пресс”, 1952-1954, годы “маккартизма”)...

В период маккартизма, “охоты за ведьмами”, несмотря на протесты ученых всего мира, в том числе лауреата Нобелевской премии профессора Юри, Роберта Оппенгеймера и других, были казнены на электрическом стуле Этель и Юлиус Розенберги, якобы за передачу атомных секретов советским агентам. Многие ученые были отстранены от секретных работ, изгнаны из институтов, вообще потеряли право на работу где-либо...

В брачную контору Фридрих и Шарлотта заявляются с букетом цветов. Ведущий регистрацию Клерк вызывает Фридриха и Шарлотту. Они входят в кабинет, робкие и нерешительные. Клерк изучает их документы, восклицает:

– Сэр! Вы же уже были женаты на госпоже Шарлотте Хоутерманс!

– Сэр! Вы абсолютно правы: был! Но война и прочие ужасные обстоятельства разъединили нас на долгие годы. И вот после стольких лет разлуки мы решили подтвердить наше желание быть супругами, уже по законам США...

– Позвольте, позвольте, – недоумевают Клерк, – тут у вас в паспорте указано, что вы имеете... не могу разобрать. Сколько детей вы имеете? – обращается он к Шарлотте.

– Двое, – говорит она и показывает на детей, стоящих у дверей.

– Пятеро! – поправляет Фридрих.

– Я вижу здесь двух! – вскипает Клерк. – Я вас спрашиваю, сколько у вас детей, в сумме? Двое? Трое? Или, черт возьми, семь? И не пытайтесь меня запутать!

– Двое, – твердо повторяет Шарлотта.

– Пятеро! – настаивает Фридрих.

– Слушайте, я, кажется, сойду от вас с ума! – рычит Клерк. Он швыряет Фридриху документы. – Идите домой, тщательно пересчитайте по головам своих детей и, когда точно, повторяю, абсолютно точно, определите, сколько у вас детей, приходите снова. О-кэй?

Обескураженные, Фридрих, Шарлотта и дети покидают оффис. Джиованна с трудом сдерживает смех, Ян хлопает отца по плечу. Шарлотта переглядывается с Фридрихом, и все дружно начинают хохотать...

Фридрих пытается найти в США работу, звонит то в один институт, то в другой.

– Надеюсь, мое имя что-нибудь для вас значит? – спрашивает он.

– Разумеется, профессор, вы – известный ученый, но...

– Что “но”? Говорите все, как на исповеди! – пытается шутить Фридрих.

– Ну, если как на исповеди, то, не взыщите... Сейчас у нас такая ситуация в стране, что...

– Ну, ну, смелее!

– Хорошо, вы сами настаиваете... Во-первых, вы – немец, гражданин страны, с которой США вели войну. Во-вторых, работали в Советском Союзе, были

арестованы как агент гестапо, переданы органами НКВД в Германию, работали там в годы войны... Достаточно?

Фридрих бросает трубку на рычаг. Шарлотта, стоявшая рядом, сочувственно гладит его по лицу...

– Увы, – говорит Фридрих, – работа мне здесь не светит...

Шарлотта провожает Фридриха в аэропорту. Он возвращается в Европу.

– Шарли, прощаемся, но, учти, ненадолго! Теперь твоя очередь... Жду тебя в Берлине, в Геттингене, где захочешь... Обещаешь?

– Физзль, как я могу что-то обещать? Ты занят своей наукой и это прекрасно! Я читаю лекции в Высшей школе... К тому же, у тебя там семья...

– Мы будем жить все вместе! Ильзе тебе понравится, уверяю тебя!

– По-моему, ты кое-что не понимаешь, – осторожно говорит Шарлотта.

– Ты считаешь меня идиотом?! Мы же оформили с тобой новый брак! Мы что, оба – идиоты?! То первое чувство, что свело нас в Геттингене до всех этих кошмаров, это чувство – святое! И мы не имеем права забывать о нем! Я – не могу! А ты – можешь?

– Фриц, – умоляюще говорит Шарлотта, – не терзай меня! Я ничего пока не знаю, ничего не могу обещать...

– Ты хочешь, чтобы я развелся с Ильзе?

– Нет, я этого не говорила... Просто как-то тяжело на душе... Не знаю, честно говорю, не знаю, что делать... Давай подождем, подумаем...

– Слушай, Шарли, я задыхаюсь, у меня разрывается сердце! “Подождем, подумаем...” Мы ждали и думали тринадцать лет! Не мы в этом виноваты! Нас разлучили наши иллюзии, романтика, злой рок! Но теперь-то мы нашли друг друга! Так о чем еще думать?! Чего ждать?!

По радио объявляют о посадке в самолет, следующий до Берлина.

– Ну, Шарли! – Фридрих прижимает к себе плачущую Шарлотту.

– Фриц, милый, признаюсь честно, я – боюсь! Мне все время кажется, что вот-вот снова постучат в наш дом, и тебя арестуют... Не обижайся, прошу тебя! Это, наверное, психоз, возможно, он пройдет, но дай мне время!

По радио объявляют об окончании посадки в самолет.

Фридрих и Шарлотта обнимаются. Шарлотта рыдает. Фридрих торопится к выходу на поле...

Фридрих лежит на кровати в плаще и в ботинках – то ли после возвращения из США, то ли готовится к поездке туда. Чемодан на полу, кругом разбросаны вещи. Фридрих, словно после тяжелого сна, поднимается, трясет головой, приходит в себя. Ни Ильзе, ни детей – никого нет. Он окликает их, ходит по комнатам. Замечает, что платяной шкаф Ильзе пуст, в ванной комнате нет зубных щеток детей и Ильзе. Наконец, замечает на прикроватном столике конверт и обручальное кольцо Ильзе. Он вытаскивает из конверта письмо.

“Дорогой Физзль! Прошу тебя, не сердись и не обижайся. Когда ты будешь читать это письмо, надеюсь, что прочтешь! – мы уже будем у моей мамы. Даю тебе полную свободу! Потому что чувствую, что ты все эти годы, что мы жили вместе, был несвободен от прежнего чувства к Шарлотте. Я видела, что ты страдал, не знал, что делать, нервничал, это состояние выбивало тебя из работы, а ты, по моему глубочайшему убеждению, прежде всего ученый, а потом уже – муж и отец... Я не считаю, что ты в чем-то виноват. Ведь, если быть честной, я тоже не могла забыть своего друга... Нас соединила сама судьба, но, видно, на время... И это время кончилось! Не мучайся угрызениями совести, совесть у тебя абсолютно чиста! Более того, ты – святой для меня человек! И я страдаю от невозможности помогать тебе в твоей важной работе для науки... Дети любят тебя и помнят. Если удастся как-нибудь увидиться, буду рада. Обнимаю тебя, дорогой. Твоя Ильзе”...

Фридрих лежит в плаще и в ботинках на кровати – один во всем доме. Изредка доносятся одиночные выстрелы – слабые отголоски прогремевшей войны. Он думает – перед его мысленным взором проносятся обрывочные картины прошлого: детство в Вене, юность в Геттингене, юная Шарлотта, рождение Джiovанны, Харьковский период, Сухуми, светлые дни счастья и напряженной работы... И – контрастно – тюрьмы, следователи, истязания, мост через реку Буг, гестапо – все это, как жуткий кошмар, вытесняет иное прошлое... Фридрих стоит у окна, смотрит на такую же, как и в прошлом, знакомую и вечно загадочную Луну. Видно, как потрепала его жизнь, и он уже далеко не молод... Он машинально берет сигарету, закуривает, и дым заволакивает все – Луну, прошлое и настоящее... Перед его мысленным взором возникает давным-давно, еще у Фрейда, виденный им пейзаж: горы, водопад, озеро, долина, облака, застывшие над вершинами гор...

А утром Фридрих отправляет две одинаковые посылки – одну на имя Шарлотты, другую – на имя Ильзе Бартц. Затем отправляет по тем же адресам денежные переводы. Служащая, оформлявшая отправления, уже привыкла к таким посылкам. Говорит: “Вам – как всегда, в два адреса?”. Фридрих кивает.

Когда Фридриху приносят телеграмму, он рад, в смятении, размышляет, что предпринять. Звонит в США, Шарлотте:

– Шарлотта! Милая! Мне не дали визу в США, но есть и хорошие новости: я получил приглашение из Берна! Профессором физики в университет! В перспективе – создание института! И строительство гигантского ускорителя протонов... Все то, о чем я мечтал! Приглашаю тебя в мой будущий институт – директором!

“Фриц, дорогой, я очень рада за тебя, – говорит Шарлотта. Голос ее звучит приглушенно и кажется чужим. – Ты – крупный ученый, и это то, что ты заслужил всей своей научной работой. Поздравляю тебя, Физзль! Жалко, твоя

мама уже не может порадоваться вместе с нами...”

– Шарли! Тронут твоим сочувствием, но я жду ответа...

“Фриц, пожалуйста, не обижайся, постарайся понять и нас. Мы тут уже приросли. У меня стабильная работа. Джиованна имеет хорошую работу, ее ценят. Ян собирается в Беркли на практику и, наверняка, там останется в лаборатории. Он – весь в тебя: выдает гениальные идеи, его там ждут! Милый Фриц! Я не могу побороть страх, который живет во мне постоянно... У меня просто нет сил снова срываться с места и... извини, дорогой, ведь мы уже не молоды... Дети любят тебя, я – тоже... Нет, Фриц, этот переезд не по силам мне... Только, пожалуйста, не думай обо мне плохо. Я люблю тебя! Но, но, но...”

– Кажется, я понял... Но и ты не обижайся, я не могу, не имею права отказаться от института в Берне... Прощай, Шарли! Я тоже люблю тебя... Хочу, чтобы ты с детьми приехала в Швейцарию... Прощай...

Фридрих и его новая помощница Лора Мюллер наблюдают через телескоп ночную Луну. Фридрих непрерывно курит, сигарету за сигаретой, покашливает... Лора отбирает у него сигареты, прячет в стол, закрывает на ключ. Намеревается выбросить ключ в окно. Но Фридрих протестует, между ними завязывается шутливая борьба... Оказывается, Фридрих не такой уж еще и старый...

Знакомый нам пейзаж: горы, ущелье, водопад, озеро, долина. На краю обрыва стоят Фридрих, Лора и их сын, уже лет десяти. Возле смотровой площадки кафе, заправочная станция, магазинчики. У кафе припаркована машина Фридриха. К ней подкатывают, одна за другой, еще две машины. Фридрих оборачивается и ему кажется: из первой машины выходят Шарлотта, Джиованна и Ян, а из второй – Ильзе Бартц со своими тремя детьми. Все радостно бегут к нему. Трогательная сцена встречи. Фридрих обводит широким жестом окрестности, глаза его сияют. Потом все сидят в кафе, Фридрих заказывает по чаше мороженого с воткнутыми палочками “бенгальских огней”. Дети счастливы – Фридрих больше всех... Однако мираж рассеивается: к смотровой площадке направляются совсем другие люди...

Фридрих – профессор Бернского университета, читает лекцию студентам. Огромная аудитория, молодые люди внимательно слушают, делают записи в тетрадях.

– Друзья! – говорит Фридрих, заканчивая лекцию. – Хочу поделиться с вами некоторыми соображениями общего характера. Жестокий опыт XX-го века приводит нас к необходимости решать одну очень важную проблему глобального характера. Великий русский ученый-геохимик Вернадский еще в начале века высказал идею о том, что научная мысль и научная работа становятся геологической силой в биосфере. Энергия ядра, кибернетика, генетика, освоение Космоса – все это лишь начало. Проблема заключается в

том, что научные достижения все более становятся собственностью государств, превращаются в орудия политиков, как это произошло с атомной бомбой. В большинстве цивилизованных стран церковь отделена от государства, и это – одно из многочисленных проявлений Прогресса. Вспомните Инквизицию, крестовые походы, сожжение на кострах инакомыслящих. Уже давно назрела необходимость отделения науки от государства и религиозных кланов. Отделять именно те ее разделы, которые дают значительные материальные результаты – физику, химию, астрономию, электронику, кибернетику, микробиологию и тому подобное. Каким образом отделить науку от государств и религий, чтобы воспрепятствовать использованию научных достижений тоталитарными и теократическими режимами во вред человечеству? Вопрос, на мой взгляд, имеет решение только путем передачи финансирования фундаментальной науки в руки специальной комиссии ООН. Путем создания общечеловеческого фонда. Путем освобождения науки из закрытых камер отдельных государств! Главная беда человечества – маньяки, которые со странной закономерностью то тут, то там приходят к власти и захватывают плоды нашей творческой деятельности для укрепления деспотических режимов. Мы должны что-то придумать, друзья! Придумать и провести в жизнь!

Зал откликается дружными аплодисментами. Хоутерманс продолжает:

– Я верю, что научные идеи, питающие Прогресс человечества, в конце концов, сметут все преграды, стоящие перед разобщенным человечеством! Есть вещи, куда более важные, чем выборы очередного фюрера или мафиози. Например, определение возраста Земли или взаимодействие ускоренных частиц – протонов с атомами вещества, или получение антивещества, или, черт возьми! – использование на благо человеческой цивилизации энергии вращения галактик и “черных дыр”!

Слушатели встают, устраивают Хоутермансу авацию. Он скромно кланяется, прижимает руки к сердцу, внезапно кашляет... Покидает аудиторию, ему плохо...

Знаменитый кольцевой ускоритель Европейского центра ядерных исследований (ЦЕРН) близ Женевы – осуществленный “проект века”, реальное воплощение идеи Хоутерманса об отделении науки от государства: этот ускоритель – достояние всего человечества! Фридриху показывают гигантскую установку, он интересуется конструкцией, результатами исследований. Внутри кольца ускорителя “живет” пучок частиц, мощные магниты отклоняют его на мишень – пучок и мишень излучают странный, неземной свет. Фридрих в восторге, пожимает руки молодым физикам...

Из кабинета, на двери которого солидная табличка “Профессор Ф.Г.Хоутерманс. Директор Центра физических исследований при Бернском университете” выходит Хоутерманс, направляется в лекционный зал.

В просторном зале, заполненном студентами и коллегами, Хоутерманс ведет семинар. Он у доски, руки, костюм испачканы мелом, доска покрывается все новыми и новыми формулами – профессор эмоционально делает доклад. Но вдруг лицо его искажается от боли, приступы кашля сотрясают, мучают его... Лора Мюллер помогает ему покинуть кабинет, он машет коллегам рукой, просит прощения за прерванную лекцию...

Фридрих дома, лежит в постели, его душит кашель. Лора Мюллер ухаживает за ним. Он осунулся, видно, что серьезно болен. Сын помогает матери ухаживать за отцом, но Фридрих держится мужественно, пытается шутить, вспоминает забавные эпизоды из своей юности.

– Всегда мечтал побывать в Италии, – говорит он. – Просить деньги у родителей – неловко, зарабатывать самостоятельно, кроме чтения лекций, я еще не умел. И вот, решился. Наскреб на билет до Неаполя. Приехал. Есть хочется, а денег нет. Пошел по вокзалу искать работу. Повезло! Разгружать вагоны с какими-то ящиками. Пять часов, весь в поту, зато на отель и завтраки заработал. И поехал вдоль побережья, черной работы полно, не гнушался ничем. Зато свободен был – как птица! Возвращаюсь в Неаполь, в отеле телеграмма: “KommWurzDonnerMother” – одно слово! (“ПриезжайВюрцбургЧетвергМать”). К телеграмме денежный перевод – на обратную дорогу! Иначе так и остался бы в Италии... А вот история с отцом. Навестил он меня как-то в Берлине, не помню точно, когда это было, но важно другое. Отец – коммерсант, человек богатый, посмотрел, как я живу, какое ношу пальто, и выдал мне сумму на шикарное новое пальто. На эти деньги я съездил в Швейцарию на научный семинар. В следующие приезды отца, чтобы его не расстраивать, одалживал на пару дней пальто у приятелей. Отец сначала не замечал подвоха, потом однажды присмотрелся и ахнул: “Во что ты превратил новое пальто! Нет, Фриц, не быть тебе миллионером!” И он оказался прав: миллионером я уже никогда не стану... А сейчас грустно – ведь он очень любил меня, а я вот уже который день пытаюсь вспомнить его лицо и не могу. Маму помню, а отца забыл... Но я утешаю себя тем, что всегда помогал и помогаю всем своим детишкам, они должны помнить меня...

Несмотря на недомогание, он активно занимается исследованиями, читает лекции в университете, принимает участие в международных симпозиумах и конгрессах, но силы его уже на исходе: тяжелая, неизлечимая болезнь прерывает его столь плодотворную деятельность. Он умирает от рака легких в возрасте 63 лет.

Хоутерманса любили все: и жены, и дети, и внуки, и коллеги. Любили за доброту, за порядочность, за остроумие, за талант жить и творить. Любили потому, что был приветлив, искренен, щедр. “Фриц привлекал к себе людей. Он всегда был полон идей. У него в запасе было много историй, остроумных

шуток, он интересовался массой разнообразных вещей – физикой, музыкой, экономикой, политикой”, – так отзывалась о нем его первая жена Шарлотта Хоутерманс. Эдоардо Амальди, итальянский физик, отмечал в своих записках: “Те, кто его знал, никогда не забудут энтузиазма, с которым он относился к науке, его преданности ей, открытости и дружелюбности его отношения ко всем”. А вот свидетельство Марии Рауш фон Траубенберг, вдовы профессора Хейнриха Рауша фон Траубенберга, умершего при аресте в Берлине в 1944 году: “Я могу с абсолютной определенностью засвидетельствовать, что Хоутерманс всегда был человеком, сурово осуждавшим нацизм – не только на словах, но и на деле”. Она пишет, что Хоутерманс фактически спас ее и других антифашистов от концлагеря, хотя сам находился под надзором гестапо. И все же, несмотря ни на что, он сумел преодолеть отчаяние и обиды, желание мстить за те страдания, которые выпали на его долю. Его позиция была близка позиции французского писателя, участника Сопротивления Веркора, чья максима, одобренная высоким жюри, золотыми буквами начертана внутри Мемориала в Париже на острове Ситэ в честь памяти французских, погибших от нацизма: “ПРОСТИТЬ, НЕ ЗАБЫВАЯ”. Именно в этом смысле он преодолел себя, поборол в себе то мстительное, низменное начало, которое свойственно большинству представителей рода человеческого. Он сохранил внутреннюю свободу, способность прощать и любить. И в этом уникальность и притягательность личности Хоутерманса.

Профессор И.Гейсс из Центра в Берне и профессор Канзасского университета, США, Е.Целльнер так сформулировали роль Хоутерманса как ученого: “Возможно, его самым ценным подарком для всех нас была способность заставить нас выйти за ограничения искусственно созданных границ физических наук”.

Его вклад в науку огромен. Он первый доказал, что термоядерные реакции являются источником энергии звезд, а также предсказал возможность осуществления термоядерного синтеза в лабораторных условиях. Он был одним из создателей первого электронного микроскопа, выдвинул идею “усилителя света” – лазера – и бридерного ядерного реактора, предсказал возможность использования зауранового элемента (названного потом плутонием) в качестве более эффективной начинки атомной бомбы и разработал методы определения возраста метеоритов и земных пород по их радиоактивности. Он автор 137 печатных работ! И, хотя заслуги его перед наукой отмечены, казалось бы, скромно, но зато на века: за идею о том, что источником энергии звезд являются термоядерные реакции, его именем назван кратер на Луне. А Центр физических исследований, созданный им при Бернском университете, плодотворно действует и по сей день.

Вертикальная плита на кладбище в Берне, надпись:
FRIDRICH GEORG HOUTERMANS.

22.01.1903 – 01.03.1966.

На горизонтальную плиту ложатся цветы – их кладут Шарлотта, Ильзе, Лора, Джоованна, Ян, дети Ильзе, сын Лоры, коллеги, друзья...

Звучит голос Фридриха Хоутерманса:

“Мы верим в мифы, в преходящие идеи и дошли в своей вере до того, что растеряли все: и любимых людей, и Родину, и сами идеалы! Пора бы уже стать мудрее и избавиться от иллюзий! А что остается? Дело познания – Мира, Вселенной! Если ты будешь целиком предан делу Познания, то будешь защищен от всех соблазнов и мерзостей людей, которые живут по законам Больших чисел: если доходы, то – миллиарды, если жертвы, то – миллионы... Мы должны жить по закону Малых чисел... Но это, отнюдь, не означает самоуничтожения! Можно жить по закону Малых чисел, не быть великим, но, главное, быть внутренне свободным”.

Горный пейзаж – ущелье, водопад, озеро, долина – освещен яркой Луной. На лунном ландшафте отчетливо виден КРАТЕР “ХОУТЕРМАНС” – 30 км диаметром, +87,0 градусов долготы и -9,3 градуса широты. “Назван в честь немецко-швейцарского физика Фридриха Георга Хоутерманса, который еще в 1929 году представил термоядерные реакции как источник энергии звезд”...

ФРГ

"ДЕНЬ и НОЧЬ" Литературный журнал для семейного чтения (с) N 3- 4 2005г.